

Мастеровой

Автор:

Анатолий Дроздов

Мастеровой

Анатолий Федорович Дроздов

Мастеровой #1

Перед нами «альтернативная» Российская империя, на троне которой царь Георгий, поддерживаемый гвардией магов, или как их называют Осененных. Но однажды в этот мир попадает неприкаянная душа, которая вселяется в простого мастерового Федора, который всю жизнь работал на заводе и вел тихую размеренную жизнь. Стоит ли говорить, что теперь жизнь Федора существенно изменится и теперь о нем заговорит вся Империя.

Анатолий Дроздов

Мастеровой

1

Федор подвел резец к гильзе, закрепленной в шпиндельной головке, и нажал на рукоять подачи суппорта. Острая сталь врезалась в чугун, посыпалась мелкая стружка. Резец постепенно скрывался внутри детали, звон металла сменился гудением. По мере продвижения фартука звук становился глуше, пока, наконец, не исчез вовсе. Готово. Федор плавно закрутил рукоять обратно, дабы не оставить внутри гильзы следа от резца. Станок у него новый, не разбитый, но резец при работе отжимает. Он и каретка суппорта пружинят. Совсем чуть, но

достаточно для оставления риски. Когда резец выскользнул наружу, Федор отключил вращение шпинделя, подождал, пока остановится головка, взял ключ и ослабил губки. Надев на левую ладонь рукавицу, вытащил горячую гильзу. Взял с тумбочки калибр, замерил внутренний диаметр. Тютелька в тютельку. Он положил готовую деталь в ящик к остальным. Все, больше заготовок нету, дневная норма выполнена. Сто гильз, которые пойдут в моторы. Механический завод Мальцева получил выгодный заказ, от которого и Федору обломится. Три копейки за гильзу, ни одной в брак – значит, вычета не будет. Вся трешка его[1 - Для сведения: подоходный налог в описываемое время не платили – его еще не ввели.].

Щеткой на деревянной ручке Федор смел с суппорта и станин станка стружку и чугунную пыль. Привести рабочее место в порядок – закон для мастерового. За этим занятием его и застал подошедший мастер.

– Закончил? – спросил сварливо.

– Так точно, Сидор Фомич, – сообщил Федор, не отвлекаясь от уборки.

– Небось, браку нагнал, – проворчал мастер.

– Проверяй! – пожал плечами Федор. – Калибры – вон!

Мастер взял калибры с тумбочки и занялся проверкой. Гильзы выбирал не подряд, а произвольно. Для начала проконтролировал внутренний размер, затем занялся внешним. Федор посматривал на него, пряча улыбку. Недоволен мастер, что такую выгодную работу делает не его племянник, а пришлый мастеровой. Ну, так кто виноват? У племянника руки не из того места растут – нагнал брака. Когда подсчитали, оказалось, что не ему деньги платить, а он заводу должен. Племянник плюнул и отказался от такого счастья. Работу передали Федору.

– Вроде, верно, – буркнул мастер, кладя в ящик последнюю гильзу.

– Ну, так закрывай наряд, Фомич!

Федор достал из тумбочки листок и протянул мастеру.

– Я не все проверил, – проворчал Фомич, – вдруг брак найдут.

– Из полочки вычтут, – хмыкнул Федор, – аль не знаешь? Только не найдут – у меня брака не бывает. Закрывай!

Мастер недовольно черкнул на листке карандашом и ушел. Федор сунул листок в карман рабочего пиджака и закончил уборку. Тут как раз и пропел гудок – смена кончилась. Замерли вращавшиеся под потолком цеха огромные валы, через которые по ременной передаче приводились в движение механизмы станков. Федор забежал в умывальную, наскоро ополоснул руки и поспешил к заводоуправлению. Нужно сдать наряд, пока народ не набежал и учетчик на месте. Завтра тоже можно, но приятно знать, что трешка – твоя.

От заводоуправления он направился к механическому цеху, но не своему, а стоявшему слева от проходной. По железной лестнице поднялся на второй этаж. Здесь, над цехом, располагалась казарма для холостых мастеровых. Пять маленьких комнаток по три койки в каждой, плюс стол и табурет – более не помещалось. Бедно, но у других заводчиков куда хуже. Люди спят на нарах вповалку, причем мужчины и женщины вместе. Женщины на заводе Мальцева не работали – нечего им тут делать, но хозяин для мастеровых сделал приличную казарму. На койках толстые матрасы, ватная подушка, даже белье имеется – две простыни и наволочка. Раз в неделю белье меняют. И всего-то за рубль в месяц.

Зайдя в свою комнату, Федор стащил рабочую одежду и повесил ее на гвоздик у входа. У каждого обитателя комнаты он свой. Чистая одежда висит над койками. Сбросил с ног опорки, сделанные из старых сапог. Оставшись в подштанниках и рубаше, сунул ступни в кожаные тапки и прошлепал к своей койке.

Наклонившись, выдвинул сундучок, достал из него мыло и бритву, бросил полотенце на плечо и вышел, не забыв запереть за собой дверь. У соседей по комнате ключи есть, а другим нечего нос совать. Еще сопрут чего. Коридором Федор двинулся к торцу здания. Здесь располагались душевая и клозет. У Мальцева жили по-богатому. Завод строили недавно, потому все продумали. Зачем городить уборные во дворе, а потом звать к ним золотарей? Им платить нужно. А так стоки поступают в городскую канализацию. Никаких хлопот и расходов.

В душевой Федор стащил с себя белье, кинул его на лавку и встал под «гусак» с жестяным рассеивателем. Открутил краны на полную – воды много. На заводе паровая машина – и не одна. Стоя под горячими струями, он довольно ухал.

Невысокий, коренастый, с длинными, сильными руками, в этот миг он походил на орангутанга, который отчего-то слез с дерева и решил помыться. Впечатление усиливали густая поросль на груди мастерового и короткие, слегка кривоватые ноги, покрытые такой же шерсткой. Обезьяна, да и только.

Накупавшись, Федор закрыл краны. Вытер тело полотенцем, взял мыло с бритвой и подошел к умывальнику у окна. Над ним висел осколок зеркала, закрепленный на стене с помощью треугольных металлических обрезков, вбитых в швы кладки. Федор сделал это сам, подобрав осколок возле лавки стекольщика. Тому не нужен, здесь же пригодился. Из осколка на Федора глянул парень с простоватым лицом. Заросшие щетиной щеки и подбородок, тонкий, хрящеватый нос, глубоко посаженные серые глаза. Коротко остриженные волосы открывали выпуклый лоб, который увеличивали глубокие, убежавшие к темени залысины. Не красавец, но и не урод.

– Ты, Кошкин, чисто обезьяна, – сказал ему командир роты после полугода службы. – Так же ловок и хитер, но соображение имеешь. Грамотен опять-таки. Поедешь в школу унтеров.

Их благородие в тот вечер крепко заложил за воротник, потому был добрым. На другой день команду из нижних чинов отвели на вокзал, где посадили в поезд, следовавший в Подольск. Там располагалась школа...

Растерев мыло по щекам, Федор соскоблил отросшую щетину бритвой. Бороды мастеровым носить нельзя. Наклонишься над станком, попадет в шестерню или под приводной ремень – и сдерет вместе с кожей. Да и в армии привык – там заросшим не походишь. Углядит унтер или офицер и поставит под ружье. Нет уж! Невелик труд – побриться.

Натянув белье и сунув ноги в тапки, Федор отправился обратно. Дверь в комнату оказалась незапертой. Распахнув ее, Федор вошел внутрь и замер при виде неожиданного зрелища. Возле ближней койки, упершись локтями в матрас, стояла баба с задранной на спину подолом. К ее голому заду пристроился один из соседей Федора, громко шлепая животом по ее белым ягодицам. Рядом, со спущенными штанами, стоял второй сосед, сжимая в руке набухшую елду.

– Быстрее, Петька! – умолял товарища. – Быстрее! Мочи нет терпеть.

– Погодишь! – отвечал занятый блудом Петька. – Только в smak вошел. Условились ведь, что я первый.

Он крепче ухватил бабу за белеющие бедра и, зарывав, потянул их на себя. Федор плюнул и, обойдя страждущего сожителя[2 - В то время слово «сожитель» означало: живущий с кем-то в одной комнате, квартире, доме.], подошел к своей койке. Повесил влажное полотенце на спинку, спрятал мыло и бритву в сундучок. Затем не спеша накинул на себя косоворотку, натянул брюки и выходные сапоги, намотав на ступни свежие онучи. Надел пиджак и кепку. Тем временем Петька, наконец, уступил товарищу объект вожделения и сейчас валялся на свободной койке, лениво наблюдая за пристроившимся к бабе товарищем.

– Значит, так, – сказал Федор, подходя к нему. – Я в трактир. Чтобы, как вернусь, ее не было, – он указал на бабу. – Понял?

– Будет сделано, – ухмыльнулся Петька. – Сам не хочешь, Федя?

– Тьфу на вас! – сплюнул Федор и вышел.

– Чтой-то он? – спросила баба, повернув голову и не обращая внимания на сопевшего позади мастерового. – Словно не мушчина.

– Унтер хренов, – зло ответил Петька. – Приучился в армии командовать, так и здесь всех строит. Скажешь поперек – приголубит кулаком, а они у него тяжелые. Блядей ужас как не любит.

– Никакая я не блядь! – возмутилась гостья. – Я по желтому билету[3 - «Желтый билет» – удостоверение личности, выдававшееся проститутке взамен паспорта в Царской России.].

– Ты еще скажи «порядочная», – хохотнул Петька.

Тем временем его товарищ, простонав, отступил от бабы и стал натягивать штаны. Проститутка подтерлась валявшимся на койке полотенцем, бросила его обратно и, опустив подол, подошла к Петьке.

– Полтину гони! – заявила, протянув руку.

– Полтина – много, – ухмыльнулся тот. – По двугривенному[4 - Двугривенный – 20 копеек.] с каждого – и достаточно.

– Условились на полтину, – нахмурилась проститутка. – Городового приведу. Я вам не какая-то подзаборная, билет имею.

– Ладно, – вздохнул Петька и протянул ей серебряную монету.

Проститутка схватила ее и спрятала в складках платья.

– Может, еще по разику? – спросила, растянув губы в улыбке. – В этот раз по двугривенному.

– А не жирно будет? – окрысился Петька. – Это ж почти рубль выйдет. За него мастеровой смену пашет, полных девять часов. А тебе лишь подол задрать.

– Пусть будет по гривеннику, – кивнула проститутка. – Если чарку поднесете.

Она вновь улыбнулась, показав мелкие, порченые зубы.

– Это можно, – согласился Петька и повернулся к товарищу. – Васька, тащи бутылку!..

* * *

В казарму можно было войти с переулка, этим путем Федор и воспользовался. Спустился по лестнице – обыкновенной, не стальной и толкнул дверь. Выйдя наружу, обогнул цех и двинулся по улице. Миновал заводоуправление, кирпичный забор и выбрел к доходным домам. Сложенные из кирпича, густо припорошенные угольной пылью, они выглядели неказисто, но Федору казались красивыми. Частые высокие окна отражали лучи солнца, оттого дома будто сверкали. Окна, в отличие от стен, здесь мыли. Стоял теплый майский вечер. Пригревало солнце, воздух пах сгоревшим углем и машинным маслом, но Федор не замечал этих запахов – привык. Зато с удовольствием смотрел на спешащих

по своим делам людей и проезжавшие телеги. Распугивая их клаксоном, по булыжной мостовой прокатил автомобиль с открытым верхом. Внутри сидели двое пузанов в пиджаках, при галстуках и жилетках, с котелками на головах. «Купцы, со складов Перфильева едут», – определил Федор. Купцы выглядели довольными – наверное, заключили удачную сделку. Москва жила бурной жизнью, и Пресня, где обитал мастеровой, от нее не отставала.

Автомобиль скрылся за углом, оставив после себя бензиновую гарь. Федор перешел улицу и толкнул дверь под вывеской «Трактирь». Войдя внутрь, встал и осмотрелся. Посетителей по случаю буднего дня было немного. В дальнем углу за большим столом сидела компания и отмечала какое-то событие. По одежке видно – мастеровые. То ли кто-то выставил угощение по приятному поводу, то ли всех рублем на фабрике отметили. Последнее вряд ли – скупы заводчики. Штраф с мастерового содрать – это пожалуйста, а чтоб лишний рубль выдать... В центре помещения оккупировали несколько столов ломовые (по высоким картузам видно) извозчики[5 - Ломовые извозчики возили грузы. Прочие – пассажиров.]. Они жадно поглощали кашу – ложки так и мелькали. Более никого. Федор прошел к свободному столику и не успел сесть на лавку, как рядом нарисовался половой.

– Добрый вечер, Федор Иванович, – поприветствовал он гостя. – Что изволите заказать?

– Похлебать есть чего? – спросил Федор.

– Щи со щековиной и ушица из щуки, – сообщил половой. – Все свежее, горячее.

– Щи тащи, – велел Федор. – Для ухи день не постный. Затем каши принесешь. И смотри, чтоб масло не прогорклое.

– Как можно? – делано обиделся половой. – У нас такого не бывает. Водочки?

– Чарку, – кивнул Федор.

Половой умчался и вернулся с подносом. Поставил перед посетителем исходящую паром глиняную миску со щами, положил ложку, рядом – ломоть хлеба. Последней выставил граненую стеклянную чарку с прозрачной жидкостью. Пожелал приятного аппетита и умчался. Федор медленно поднял

чарку, оценил жидкость на свет и опрокинул в рот. Крякнул и занюхал хлебом. Взяв ложку, приступил к щам. Половой не обманул: те оказались вкусными. Мяса тоже не пожалели. Опорожнив посуду, Федор стал искать взглядом полового, но тот подбежал сам, держа в руках миску с исходящей парком кашей.

– Еще водочки? – поинтересовался, ставя угощение перед гостем.

– А давай! – согласился Федор. – Хороша она у вас.

– Плохую не берем-с! – важно сказал половой. – Это не у Губанова.

Федор хмыкнул. Близ завода Мальцева было два трактира, и оба боролись за клиентов, поливая помоями конкурента. Хотя, на взгляд Федора, разницы между ними не имелось. Он посещал оба. Везде кормили вкусно, водку подавали добрую. Ну, а как иначе? Посетители – народ мастеровой, на расправу скорый. Что не так – начистят рожу, да еще миску с горячим на голову наденут. А страшней того худая слава. Раз помоями накормишь – посетителей не жди. Клиентов перехватят вмиг. Конкуренции добавляли бабы, предлагающие холостым мастеровым за копейки столоваться на дому. Некоторые подносили чугушки с варевом к проходным, подгадывая к гудку на обед. Федор сам покупал у них еду – выгодно и удобно. Стоит дешево, нет нужды бежать к трактиру, а столовой на заводе не имеется. Заводить невыгодно: холостых мастеровых мало, а женатые берут обеды с собой.

Половой принес водку. Федор осушил чарку, крякнул и набросился на кашу. Распаренная, щедро политая маслом греча таяла во рту. Миска скоро опустела. Отодвинув ее в сторону, Федор достал из кармана пачку папирос «Дукат», вытащил одну и, примяв мундштук с двух сторон, сунул в рот. Подскакивший половой поднес огонька. Кивнув ему, Федор затянулся ароматным дымом. Хорош табак! Папиросы не дешевые – 5 копеек за 10 штук, но он может себе позволить. Не чернорабочий ведь, мастеровой! Более 50 рублей в месяц получает! С одной получки с ног до головы оденется, еще на еду останется, да не на хлеб и воду, а на кашу с маслом и чарку водочки. А ведь сам в люди вышел. Не было у него родни, готовой приютить сироту и помочь ему освоиться в столице. Отца-матери не знал, рос в приюте. Фабричная школа, где учили читать и писать, заодно – профессии. Так и стал токарем. Пришлось походить в учениках, нахвататься подзатыльников и «лещей», но смысленный малец быстро постигал науку, и через пару лет не уступал в мастерстве учителю. Глаз у Федора – алмаз, «сотку»[6 - Речь о сотой доли дюйма, то есть 0,25 мм. Хотя для высококлассного

специалиста поймать на глаз разницу и в сотую долю миллиметра не представляет труда. Автор видел это сам.] на лету ловит. За это его ценят и уважают. Только мастер придирается, да и тот больше ворчит. Где он такого токаря найдет? На дороге не валяются.

Благодушное настроение Федора прервал подошедший половой.

– Еще чарку?

– Нет, – мотнул головой Федор и достал из кармана кошелек. – Сколько там с меня?

– Тридцать восемь копеек, – сообщил половой.

– Держи! – Федор протянул ему полтину. – Семишник[7 - Семишник – старое название монеты достоинством 2 копейки.] оставь на чай.

– Благодарствую, – половой вернул ему гривенник и забрал грязную посуду.

Федор встал и вышел из трактира. Пересек улицу и направился к заводу. Подойдя, остановился и почесал в затылке – идти в казарму не хотелось. Соседи по комнате наверняка еще бабу мнут. Затеять скандал с ними – настроение портить. Говорил им Федор, чтоб не имели дела с проститутками – не послушали. Нет на них фельдфебеля Кандыбы. Тот как-то увязался с будущими унтерами, получившими увольнение в город, и привел их к церкви. На ее ступенях просили подавание несколько нищих.

– Глядите! – фельдфебель указал на неопрятную старуху, сидевшую с краю.

Та подняла голову и уставилась на окруживших ее солдат. Федора передернуло. На них смотрела уродина. Провалившийся нос, багровые шишки на лбу и щеке, желтые белки глаз.

– Вот что делает любострастная хвороба, – пояснил фельдфебель, ткнув в нищенку пальцем. – Проституткой была, вот и заразилась. С вами то же будет, если к ним пойдете.

– Их же дохтура смотрят! – подал голос один из будущих унтеров.

– Смотрят, – согласился Кандыба, – только как? На одного дохтура двести баб приходится, а порой и более[8 - Именно так было в реальной истории в царской России. Сокращению венерических заболеваний это не способствовало.]. Где тут углядеть? Правда, Марья?

Нищенка в ответ мерзко засипела и протянула грязную ладонь. Фельдфебель бросил ей семишник и перекрестился. Солдаты – следом.

– Говорить не может, – сказал Кандыба, отводя их в сторону. – Хворь глотку съела. Поняли меня, ребятки?

Все дружно закивали. С той поры Федор обходил проституток стороной, хотя потешить естество хотелось. Даже очень. Только как? Напроситься к какой-нибудь вдове? Она примет, но и денег вытянет немерено – ей детей кормить нужно. Да и старые они, вдовы. Взять в жены девку? Мастеровые с дочерьми на выданье зазывали Федора к себе, видя в нем завидного зятя. Получает хорошо, деньги не спускает в кабаках, к людям уважительный – что еще нужно? Но жениться Федор не спешил. Кто знает, какая попадется? Добро, если смирная и работающая, а коли злая и ленивая? Будешь после мучиться. Девки до замужества все ладные да хорошие. А вот после...

Федор вздохнул и решительно двинулся переулком. Под подошвами сапог хрустел шлак – им обильно посыпали проезд между складом и заводом. Днем здесь не протолкнуться от ломовых телег. Одни везут грузы к Перфильеву, прочие – обратно. На склад есть заезд с улицы, но ломовых туда не пускают – только автомобили. Лошади, бывает, их пугаются, могут понести, вот Перфильев и распорядился сделать ворота в переулок. Проезд к ним вымостили шлаком, чтобы в дождь не вязли колеса. Благо, шлака – завались, паровые машины выдают его горы. Бесплатно забирай – только вывези.

Переулок вывел Федора к реке. Он свернул вправо, подошел к забору и присел на большой камень. Тот остался со времен, когда бутовали фундаменты под кирпичные столбы. Видимо, мастера поленились тащить тяжеленный валун к яме, обошлись мелкими. Камень был плоским и удобным – ну совсем как табурет, разве что низкий. Федор заприметил его давно и приходил сюда посмотреть на Москву-реку. Зрелище плавно текущей воды завораживало. Но сейчас реку

видно плохо – на город опустилась ночь. Зато не грохочут над головой приводные валы, не гудят станки, не звенит под резцом металл. Завод и склады словно вымерли – все спят. В такой час слышно, как плещется о берег вода. Этот звук приятный.

В этот раз насладиться тишиной не довелось – в переулке послышалось тарахтение мотора. Свет фар высветил заросший травой и кустами берег. Вскочив, Федор скользнул к забору и притаился. Это кого принесло? Поздним вечером здесь не ездят – тем более, на автомобилях. К Перфильеву, что ль, прибыли в неурочный час? Воры? Если так, то попадаться на глаза нельзя – могут и прирезать.

Оказалось, нет. Большой автомобиль, походивший на сарай с колесами, миновал складские ворота, подкатил к берегу, где и остановился, продолжая светить фарами и тарахтеть мотором. Открылась дверца, и наружу вышел молодой мужчина – Федор угадал это по фигуре и безбородому лицу. Его глаза привыкли к темноте, да и свет от фар помогал. С противоположной стороны автомобиля показался господин постарше, с тонкой щеточкой усов под носом. Федор разглядел их на светлом пятне лица.

– Зачем мы сюда приехали, князь? – спросил первый. – Нет же никого.

– Вот и хорошо, – оскалил зубы второй. – Никто не помешает обсудить дело.

– Ты о чем?

– О Ловце душ, князь.

– Я же говорил тебе! – раздраженно сказал первый. – Он не продается.

– Десять тысяч, князь, десять тысяч. Вот! – второй вытянул руку с пачкой денег. Если мало, дам еще столько же. Цена хорошего дома в Москве.

– У меня есть дом! – фыркнул первый. – Деньги – тоже. На жизнь хватит.

– Только не с Гагариной! – хохотнул второй. – Ей и ста тысяч мало.

– Ты о чем? – удивился первый.

– Ты меня прекрасно понял, князь. Эта дамочка не одного уже высосала досуха.

– Не смей так говорить о княгине! – взвизгнул первый.

– Почему нет? – хмыкнул второй. – Все про то знают...

Федор слушал эту перепалку, холодея телом. Князья... Повезло же нарваться на колдунов! Стоит им его заметить – и конец. Могут дотла спалить и не поморщатся – у них это запросто. И никто не попрекнет: кто такой Федор и кто они? Что же делать?

Тем временем перепалка становилась горячее. В ход уже пошли оскорбления. Внезапно первый князь, стоявший к Федору спиной, ударил второго по руке с деньгами. Пачка вылетела, ударилась о фару и рассыпалась бумажными листками.

– Ах, так?! – заревел второй и вскинул руку. В следующий миг из спины первого вылез заостренный кусок льда толщиной с руку. Князь захрипел и повалился ничком. – Дурак! – зло сплюнул второй. – Лучше бы взял деньги...

Он подошел и склонился над убитым. Вытащив из-под трупа руку, стал стаскивать с пальца перстень. Тот был массивным, с крупным круглым камнем. Завладев им, колдун поднес добычу к фаре и стал ее рассматривать. В желтом свете камень переливался и блестел.

– Есть душа, – пробормотал громко. – Не соврал щенок.

В этот миг Федор отчетливо осознал, что ему конец. Если невольное присутствие при споре могли простить, то свидетелей убийства в живых не оставляют. «А вот хрен вам! – промелькнуло в голове. Федор наклонился и поднял с земли камень. Увесистый, фунта с два. На берегу их хватало – остались после строительства. Он отвел руку за голову и прицелился. Колдун как раз кончил любоваться перстнем и распрямился. Федор метнул камень. Метил в затылок в надежде оглушить и... промахнулся. Что-то услышав, колдун повернул голову. Булыжник врезался ему в висок. Раздался хруст костей, и убийца рухнул рядом со своей

жертвой.

Некоторое время Федор стоял, ощущая, как трепыхается в груди сердце. Наконец, собрался с духом и подошел к телам. Пораженный им колдун лежал так, что сомнений не оставалось – мертв. «Что ж я натворил? – всплыла в голове мысль. – Теперь меня повесят. Иль, того хуже, отдадут на потеху колдунам. А уж те постараются...» Взгляд его рассеянно скользил по телам убитых и внезапно остановился на лежащем на земле перстне. Падая, колдун выронил его. Машинально Федор наклонился и поднял украшение. Камень в нем внезапно засиял. Повинуясь безотчетному чувству, Федор надел перстень на палец. Тот больно кольнул. Федор захотел сорвать перстень, как внезапно кто-то сказал: «Не спеши! Подожди немного». Федор замер и закрутил головой. Никого рядом не было. Он стоял на берегу в полном одиночестве, не считая мертвых тел, конечно. Голос прозвучал снова, прямо у него в голове:

– Теперь можешь снять.

Федор стащил перстень с пальца.

– Зашвырни его в реку.

Федор размахнулся и отправил тяжелое украшение по указанному адресу. В отдалении чуть слышно булькнуло.

– Хорошо, – сказал голос. – А теперь осмотримся.

Федор завертел головой, оглядывая картину убийства.

– Деньги, – произнес голос. – Там лежат. Возьми чуток. Все не забирай.

Федор так и поступил. Подобрал с земли несколько бумажек и, сложив, сунул в карман пиджака. Мимоходом рассмотрел, что это сотенные. Он таких ранее в руках не держал.

– А теперь – ходу! – предложил голос. – Но не возвращайся прежним путем. Обойди.

Федор машинально кивнул и двинулся берегом вдоль забора. Миновав его, выбрался в темный кривой переулок.

– погоди! – остановил его голос. – Не носи деньги с собой. Спрячь их здесь.

Федор огляделся. Глаза его хорошо освоились с темнотой. Рассмотрев лежащий у забора камень, он приподнял его и засунул в щель добычу. Опустив камень на место, переулком выбрался на улицу, вновь миновал заводууправление с темными по ночному времени окнами и свернул в знакомый переулок. Подойдя к зданию цеха, потянул на себя знакомую дверь. Поднялся по лестнице на второй этаж. В коридоре стоял полумрак – темноту едва рассеивала единственная электрическая лампочка, тускло горевшая под потолком. Федор прошел в душевую и, не включая свет, ополоснул лицо под умывальником. После чего промыл рот от скопившейся там горечи и отправился к себе.

В комнате стоял тяжелый запах перегара. Два соседа спали, храпя в унисон. Федор на цыпочках прошел к своей койке, быстро разделся и наощупь развесил вещи на вбитых в стену гвоздиках. После чего юркнул под одеяло, слегка поворочался и провалился в сон. Тот был странен. Перед Федором возник человек. Он был каким-то призрачным и словно висел в воздухе. Федор, однако, разглядел, что человек немолод и на ангела не похож. Хотя на черта – тоже.

– Кто ты? – спросил Федор.

– Это мой голос ты слышал, – сообщил призрак. – Я тот, кто поселился у тебя в голове.

– Как ты там оказался?

– Перстень. Я был в камне.

– Ты бес? – встревожился Федор.

– Нет, – покачал головой призрак. – Человек. Только я, похоже, умер. Осталась лишь душа. Вот она и прилетела.

– Чем докажешь, что не бес?

– Отче наш... – забормотал призрак. Завершив молитву, перекрестился. – Доволен? – спросил.

– Да, – сказал Федор. – Как тебя зовут?

– Не помню, – вздохнул призрак. – Эта часть воспоминаний не сохранилась. Меня тащило темным коридором, а по пути отлетали ошметки. Все личное пропало. Потом камень в перстне... Словно в гроб попал. Там хреново было – рад, что выбрался. Тебя как зовут?

– Федор Кошкин. Я мастерской, на заводе токарем работаю.

– Год на дворе какой?

– Тысяча девятьсот одиннадцатый от Рождения Христова.

– Замечательно! – произнес призрак, но по его тону Федор понял, что замечательного в этом как раз ничего нет. – Значит, Российская Империя?

– Да, – подтвердил Федор.

– На престоле Николай Второй?

– Его императорское величество Георгий Александрович.

– Еще лучше! – всплеснул призрачными ладонями собеседник. – Я еще у реки сообразил: что-то не так. У нас не убивают людей сосульками.

– Это «ледяное копье», – сообщил Федор. – Колдуны еще и не то могут. Например, сжечь огнем.

– Весело тут, – заключил призрак. – И много у вас этих... колдунов?

– Не очень, – успокоил Федор. – Они все графья с князьями, а таких мало. Осы.

– Почему осы?

– Осененные – так их величать велено. Колдунами запрещено.

– Кто и чем их осенил?

– Господь даром. Так учат в школе, но простой люд считает колдунами.

– Глас народа, – хмыкнул призрак. – Как они вышли на тебя?

– Случайно, – пояснил Федор. – Я сидел на берегу, когда подъехал автомобиль. Они вышли и зачали ругаться. Меня не видели. Один другого убил, ну, а я этого.

– Почему?

– Чтобы не убил меня.

– Это правильно, – согласился призрак. – Молодец! Что будем делать, Федя?

– Что ты предлагаешь?

– Ты, часом, не еврей?

– Не могу знать. В приют подбросили младенцем, там и вырос. Православный я.

– Православный – это хорошо, – заключил призрак. – А то Торы я не знаю, а еврею без нее никак. Мастеровой – еще лучше. Можно сказать – родственная душа. Там я тоже токарем начинал. Работал на станках, причем без ЧПУ[9 - ЧПУ – числовое программное управление.] которые.

– Что такое ЧПУ? – удивился Федор.

– Забей! – махнул рукой призрак. – Здесь этого нет, и не скоро появится. Я из будущего, век спустя жил.

– Ну, и как у вас? – поинтересовался Федор.

– Та же хрень, только без царя, – сообщил призрак. – Хотя, как считать. Президент – не царь, но власти у него будь здоров. И бояре имеются, только не по роду – назначают их. Колдунов нет – я о настоящих, а не тех, кто выдает себя за таковых. Но князья наши и без льда с тобой справятся, если захотят. Не убьют, так в тюрьме сгноят. Вот что, Федя. Поселившись у тебя в голове, я будто заново родился. Там был стар и болен и едва таскал ноги. Здесь – здоровый и молодой. Вижу мир твоими глазами, чувствую то же, что и ты. Предлагаю заключить союз. За возможность пользоваться молодым телом наделю всем, что знаю. Слава Богу, знания сохранились. Навыки наработаем. Выведу тебя в люди.

– Мне и так неплохо, – отказался Федор. – Я мастеровой, каких поискать. Начальство меня ценит. Пятьдесят рублей в месяц заколачиваю, а когда и боле.

– Но живешь в общежитии с пьяными соседями, – подхватил призрак. – Ходишь в сапогах и косоворотке. Неужели не хочешь купить дом и автомобиль? Завести прислугу и красивую жену? Чтобы дети не горбатились с малых лет, а получили образование? Стали инженерами или врачами? Чтоб тебя звали «господин Кошкин», а еще лучше – «ваше благородие»?

– Говорил, не бес, а соблазняешь, – буркнул Федор.

– Трудный случай, – вздохнул призрак и добавил непонятно: – когнитивный диссонанс у реципиента. Ну какой я бес, Федя? Ведь не грабить или воровать предлагаю. Мы будем работать и учиться – много и упорно. Одарим мир чем-то новым, что еще не придумали. Заработаем денег и славу. Что в том плохого?

– А тебе это зачем? – с подозрением спросил Федор.

– Скучно жить мастеровым. Стоять у станка, после смены пить водку или пиво. Завести семью, скитаться по углам и через двадцать лет сдохнуть от чахотки. Если выпал шанс на другую жизнь... Ну, так как, сотрудничаем?

– Ладно, – согласился Федор. – Только ты советчик, а главным буду я!

– По рукам! – призрак протянул ему ладонь.

Федор хлопнул по ней, с удивлением ощутив, что она не призрачная, а настоящая.

– Только ты это... – попросил призрак. – Понимаю – православный, но на исповеди промолчи. Про меня и князей.

– Будто сам не знаю, – хмыкнул Федор. У него был печальный опыт общения с долгогривыми. Мальцом в приюте рассказал священнику, что подрался с воспитанниками, порвав на одном из них рубаху. В тот же день его показательно высекли. От кого воспитатель проведал о проступке, догадаться было не сложно. С тех пор Федор прилежно каялся в грехах, но умалчивал о том, о чем начальству знать не следовало. Так было и на воинской службе. Кто поступал по-другому, стоял под ружьем или сидел под арестом.

– Договорились, – кивнул призрак. – А теперь спи. Завтра трудный день.

– Погоди! – попросил Федор. – Как мне звать тебя, ежели имени не помнишь?

– Зови меня... – призрак задумался и тряхнул головой. – Друг. Это будет правильно.

– Хорошо, Друг, – сказал Федор и провалился в темноту.

2

Константинова разбудил осторожный стук в дверь. Приподняв голову с подушки, он бросил взгляд на напольные часы. За окном уже светало, и, несмотря на портьеры, циферблат угадывался. Без четверти семь. Это кто ж так рано? Стук раздался снова, а затем послышался голос лакея:

– Ваше превосходительство?

– Что тебе, Семен? – буркнул генерал. – У нас пожар?

– Бог миловал, – отозвался лакей. – Полицмейстер Андрианов[10 - В то время в Москве было несколько полицмейстеров, подчинявшихся градоначальнику.] прибыл. Говорит: срочное дело. Я сказал, что градоначальник почивает, только он просит разбудить.

– Через пять минут буду, – сказал генерал и спустил ноги с кровати. – Проведи его в гостиную.

Надевать мундир он не стал – долго. Если Андрианов просит разбудить – дело и впрямь срочное. Не тот человек, чтобы беспокоить по пустякам. Константинов ополоснул лицо в тазу для умывания, налив в него воды из кувшина, и вытерся полотенцем. Подойдя к зеркалу, пригладил щеткой волосы на голове и бороду. Накинул халат, сунул ноги в тапки и вышел из спальни.

Полицмейстер ждал его в гостиной. Увидав начальство, вытянулся в струнку.

– Здравия желаю, ваше превосходительство! Извините великодушно за беспокойство.

– Без лишних церемоний, Александр Александрович! – махнул рукой генерал. – Что случилось?

– Убиты князя Юсупов и Горчаков.

– Ах, ты!.. – выдохнул Константинов. – Молодые или старые?

– Молодые.

– Твою мать! – выругался генерал. – Кто же их?

– Пока нет ответа, ваше превосходительство. Разрешите по порядку?

– Говори, – согласился Константинов. – Бери стул, Александр Александрович. Да и я присяду – от таких вестей ноги не держат.

– С той недели я распорядился с наступлением темноты высылать конные патрули, – начал Андрианов после того, как они сели. – От купцов пошли жалобы

на грабителей. Ночью разбивали склады, вывозили товар. Сторожей воры глушили и вязали. Одну шайку мы схватили, но патрули оставили – вдруг не всех взяли? Полицейские ехали мимо складов Перфильева, как вдруг услышали звук мотора. Насторожились. Время позднее, склад закрыт, никого нет, кроме сторожей. Патруль решил, что приехали грабители, и отправился на звук.

Андрианов вздохнул и продолжил:

– Не было там воров. На берегу стоял автомобиль с работающим мотором. Перед ним лежали убитые князья. Все вокруг было засыпано деньгами, причем сотенными купюрами. Полицейские собрали их почти девять тысяч. Может, было больше, но часть разнесло ветром. Деньги находили по всему берегу.

– Бог с ними! – махнул рукой Константинов. – Как убили князей?

– Горчакова – ледяным копьем. Это родовое умение Юсуповых. Самого Феликса – камнем, угодили прямо в висок.

– Там был кинетик?

– Может быть. Пока неизвестно. Старший патруля, унтер Гордеев, немедленно известил меня, не забыв выставить у автомобиля охранение. Я попросил помощи у Кошко. Аркадий Францевич дал людей. Несмотря на поздний час, они выяснили подоплеку преступления. Накануне вечером в ресторане «Ярь» веселились молодые Осененные. Окромя Юсупова с Горчаковым, князья Лобанов-Ростовский, Вяземский, графы Воронцов и Коновницын. Как водится у молодежи, начали хвастать друг перед другом. Горчаков показал родовой перстень по имени «Ловец», сказав, что на днях ему удалось заполучить в камень чью-то неприкаянную душу. Этим все заинтересовались, а Юсупов предложил Горчакову перстень продать. Тот отказался. Юсупов не перечил, но спустя время позвал Горчакова покататься на автомобиле. Он у него новый, фирмы «Бенц», недавно из Германии привезли. Горчаков согласился, и они уехали, причем за шофера был сам Юсупов. С чего их занесло на Пресню, да еще в глухой переулок – Бог весть. Возле этого авто их и нашли. А вот перстня не оказалось. Мы там каждую травинку осмотрели. Для начала ночью при свете фонарей, а потом и когда рассвело. Пропал «Ловец».

– Гм! – вымолвил Константинов. – Полагаете, за Юсуповым и Горчаковым проследил кто-то из компании?

– Маловероятно, ваше превосходительство. Все они продолжили веселиться в «Яре», никто за уехавшими не последовал. Это люди Кошко выяснили точно. Половые, швейцар – все в один голос об этом говорят. Кроме того, среди оставшихся нет ни одного кинетика.

– Слава Богу! – перекрестился генерал. – Иметь дело с родовыми Осененными – врагу не пожелаешь. Но ведь кто-то же убил князей?

– С Горчаковым ясно – Юсупов. Видимо, не сошлись в цене на перстень или Горчаков отказался продавать. Но вот кто убил Юсупова? Случайный человек из простецов? Тогда почему забрал перстень и оставил деньги? Да и трудно простецу Осененного убить, если вообще можно. Там был кто-то родовой? Тогда как там оказался? Горчаков с Юсуповым уехали вдвоем – это установлено точно. Разве подобрали кого по пути.

– Выясни, Александр Александрович! – велел Константинов. – Передай Кошко, пусть больше своих людей к этому делу привлечет. Проверяйте всех: Осененных и простых. Понимаешь сам: такого не простят. Отцы убитых непременно пожалуются Государю, а тот спросит строго. Вылетим в отставку, да еще без мундира и пенсионера.

– Ваше превосходительство... – замялся Андрианов.

– Говори! – кивнул генерал.

– Есть такая версия, что Юсупов с Горчаковым убили друг друга обоюдно. Один ударил льдом, а второй – камнем.

– Разве Горчаков – кинетик?

– В боевой росписи таковым значится, хотя это не главное его умение. Я первым делом проверил.

Константинов посмотрел на полицмейстера, тот выдержал его взгляд. «Ох, умен, Александр Александрович, – подумал генерал. – Молодец! Если не найдем настоящего убийцу, можно подать дело так. Молодые князья повздорили из-за перстня и убили один одного. Какие претензии к полиции? Пусть отцы отношения выясняют».

– Горчаков первым делом спросит: «А где перстень?» – произнес со вздохом. – Его-то не нашли.

– Можно подобрать похожий, – поспешил Андрианов. – Вещь известная. Есть описание и фотографии.

– Князь определит подмену, – покачал головой градоначальник.

– Если отдать целым, – согласился полицмейстер. – Но ведь перстень мог попасть под камень, а на тот кто-то наступить. Народу у машины потопталось много. Оправа смялась, камень выкрошился. В таком виде подмены не заметят.

«Все продумал», – одобрил генерал.

– Займись, Александр Александрович, – произнес вполголоса. – Но держи на крайний случай. Пока продолжайте сыск. Подымите всё и всех. Пусть князья видят, что стараемся. А сейчас иди. Мне нужно привести себя в порядок, нанести визиты Юсупову и Горчакову. Тяжкая это миссия – сообщать отцам о смерти сыновей.

Андрианов встал, поклонился и вышел. «Хорошо, что согласился, – думал, спускаясь по лестнице. – Ну, так сразу понял, чем кончиться может. Надоели эти Осы! Мы для них не люди. Всех бы их убили – и слезинки бы не проронил! Даже свечку в храме поставил».

* * *

Проснулся Федор рано, до гудка. Надев рабочую одежду, умылся в душевой и вышел из казармы в переулок. У проходной подошел к женщине, раздувавшей самовар. Рядом стояла корзина с выпечкой.

– С добрым утром, Пантелеевна! – поздоровался с торговкой. – Чай горячий?

– Да, милоч! – улыбнулась женщина. – Только заварила. Тебе булку иль калач? Есть ржаной, сытный.

– Его давай, – согласился Федор. – И чайку покрепче.

Недавно испеченный калач был вкусным и духмяным. Федор откусывал от ржаного кольца и запивал горячим чаем. К торговке подходили другие мастера из холостых, брали выпечку и стаканы с чаем. Корзина Пантелеевны скоро опустела. Федор расплатился и направился к проходной. В этот миг и раздался гудок.

О странном сне Федор вспомнил, уже подходя к цеху. «Привидится же такое! – удивился. – Душа, поселившая в голове. Вот ведь чудо!» Следом он припомнил ночное происшествие и ощутил страх. А вдруг его найдут? Что тогда? Казнь? Умирать Федору не хотелось, и он мысленно воззвал:

– Друг, ты здесь?

– Да, – отозвалось в голове. – Я всегда тут. Что тебе?

– Я боюсь, – признался Федор. – Вдруг полиция прознает?

– Сомневаюсь, – успокоил Друг. – Ты, главное, не тушуйся. Держи фэйс ящиком, а хвост пистолетом. Хрен они что пришьют.

Половины слов Друга мастеровой не понял, но успокоился. Он не в одиночестве. Есть близкая душа, с которой можно поделиться сокровенным и получить от нее совет. У него такого прежде не было. Повезло, что догадался подобрать и надеть на палец перстень...

За ним пришли ближе к полудню. Федор обтачивал очередную заготовку, когда в проходе меж станками показался мастер в сопровождении полицейского. Его Федор знал – местный городской. Провожаемые взглядами рабочих полицейский с мастером приблизились к Федору и остановились. Мастер дал знак выключить станок.

– Дело у полиции к тебе, – сказал, когда Федор подчинился.

– И какое? – спросил Федор, вытирая руки ветошью.

– В конторе объяснят, – буркнул полицейский. – Топай!

Федор бросил ветошь на станину и пошел к выходу. Городовой устремился следом. Во дворе он держался позади, отступив на пару шагов. «Словно под конвоем, – догадался Федор. – Сторожит, чтобы не сбежал».

– Спокойствие! – раздалось в голове. – Колдунов убили у завода, и они шерстят всех подряд. Вдруг кто видел? Спросят и тебя. Держись спокойно и уверенно. Ничего не видел, ничего не знаешь. Понял?

– Да, – ответил Федор, хотя на душе кошки скребли.

В конторе городовой отвел его в комнату, где за столом обнаружился другой полицейский в мундире с серебристыми погонами на плечах. На каждом – по две звездочки вдоль просвета. Офицер[11 - На деле – губернский секретарь.].

– Вот, привел, – сообщил городовой. – Кошкин Федор.

– Здравия желаю, ваше благородие! – рявкнул Федор, вытянувшись.

– Ишь, бойкий! – усмехнулся офицер. – Где служил?

– В сто восьмом Саратовском, ваше благородие. В прошлом году в запас вышел.

– Чин?

– Унтер-офицер.

– Грамотный?

– Читаю и пишу. Арифметику знаю.

– Что ж в полицию не пошел? Нам такие нужны.

– Ростом не удался, ваше благородие, – полвершка не хватило[12 - В царскую полицию на службу брали мужчин ростом не менее двух аршин и шести вершков – около 170 сантиметров по-нашему. Рост Федора приблизительно 167 см.].

– В самом деле, – согласился полицейский, измерив Федора взглядом. – Подойди, садись, – он указал на стоящий напротив табурет.

Федор подчинился.

– А скажи мне, Кошкин, – начал полицейский, не спуская с него взгляда. – Где ты был вчера вечером? Сожители по казарме показали, что куда-то выходил.

– Точно так, ваше благородие, – кивнул Федор. – Был в трактире у Лопахина.

– Что пил, ел?

– Две чарки водки, щи со щеквиной, – стал перечислять Федор. – Затем каша с маслом. Покурил и пошел к себе в казарму. Разделся и лег спать.

– В котором часу?

– Не могу знать, ваше благородие, – развел Федор руками. – Нет у меня часов. Без нужды они. По гудку встаю, по нему работать заканчиваю. Помню, что темно было, а сожители мои спали. Умаялись, – усмехнулся он. – Проститутку перед этим привели, вдвоем ее пользовали.

– Тьфу, гадость! – сморщился полицейский. – Семенов, – посмотрел на городского. – Проверь в трактире, правду ли сказал.

– Сделаем! – кивнул городской.

– Как есть правда, – перекрестился Федор. – У Лопахина меня хорошо знают, часто захожу.

– Хорошо живешь! – хмыкнул офицер. – По трактирам в будний день.

– Я, ваше благородие, справный мастеровой, – с обидой в голосе произнес Федор. – Менее пятидесяти рублей в месяц не имею. Могу себе позволить.

– Покажи кошелек! – приказал полицейский.

Федор встал, достал из кармана и положил перед ним на стол пухлый кошель. Полицейский открыл и вытряхнул на стол кучку засаленных купюр.

– Однако! – сказал, копошась в них пальцем. – Сколько здесь?

– Двести пять рублей, – с гордостью доложил Федор. – Ну, и мелочь. Я вчерась, ваше благородие, заработал три рубля, а в трактире заплатил четыре гривенника, да и те с чаевыми половому. Больше двух рублей осталось. Так и скопил.

– Мелкие купюры, – пробормотал полицейский офицер и посмотрел на Федора. – Еще деньги есть?

– Никак нет.

– Выверни карманы.

Федор подчинился.

– Посмотри его, Телегин!

Городовой подошел и обхлопал Федора, не забыв пройтись ладонями по груди, пояснице и ногам.

– Ничего нет, ваше благородие, – доложил, выпрямившись.

– В вещах смотрел?

– Первым делом. Тоже ничего.

Федор мысленно поблагодарил Друга за совет не нести деньги в казарму.

– Всегда пожалуйста! – раздалось в голове. – Изобрази недоумение. Это что за обыск?

– Дозвольте спросить, ваше благородие? – поспешил Федор. – Это с чего у меня обыскивают? Рази виноват в чем? Так скажите!

– Успокойся, Кошкин! – махнул рукой офицер. – Не тебя одного смотрят. Близ завода людей убили, а при них деньги имелись. Вот и ищем.

– Купцы, что ли?

– Бери выше, – вздохнул офицер. – Князя.

– Как же можно их убить? – делано удивился Федор. – То же колдуны.

– За словами следи, унтер! – окрысился полицейский.

– Виноват, ваше благородие! – поспешил Федор. – Осененные. Но таким, как я, к ним не подойти. Их даже пуля не берет.

– Ты откуда знаешь? – насторожился полицейский.

– Так в полку видел. Приезжали колду... Осененные на учения. Знатно огнем били. Встали – и давай кидать. Мы дивились, что в окоп не прячутся, а командир роты и скажи, что стрелять в них бесполезно – пуля не берет. Щит какой-то есть. Разве что из пушки...

– Забирай свои деньги и иди! – оборвал его полицейский.

Федор подошел к столу, сгреб деньги в кошелек и вышел.

– Что скажешь о нем? – спросил полицейский городского.

– Ничего худого, – пожал тот плечами. – Мастеровой справный, поведения смиренного, ни в чем предосудительном не замечен. Пьет в меру, безобразий не совершает.

– Присмотри за ним.

– Это почему?

– Дерзкий больно. Обыск ему не понравился. Невелика птица, чтобы привередничать.

– Приглядим, – пообещал городской...

В этот день Федор работал до гудка, но норму выполнить успел. Фомич закрыл наряд, мастеровой отправился в казарму. Там первым делом проверил сундучок. Все на месте, хоть и перевернуто. Федор сложил все в привычном порядке. Встал и посмотрел на сожителей. Те валялись на койках и старательно смотрели в потолок.

– Что молчите, предатели? – спросил Федор. – Выдали меня полиции?

– Не сердись, Федя! – сел на койке Петька. – Так насели, ироды! Что делали в вечер, кто куда ходил? В комнате все перевернули. Что искали? – он пожал плечами. – Запрещенные листки, что ли?

– Деньги, – пояснил Федор. – Тут недалеко князей побили.

– Ну, а мы при чем? – засопел Петька. – Вот же фараоны! Где князя, а где мы? Отбрехался?

– Да, – кивнул Федор.

– Надо это спрыснуть! – предложил Петька. – Васька сбегает. Только это... Одолжи полтину. У нас гривенник на двоих.

– Меньше баб водите! – буркнул Федор.

– Так получка завтра, – успокоил Петька. – Я отдам. Выпьем мировую, Федя?

– Не отказывай, – прозвучал голос в голове. – Пообщаюсь с пролетариатом.

– Хорошо, – кивнул Федор. – Но полтины будет мало. На, держи! – он достал из кошелька и протянул Петьке бумажный рубль. – Угощаю. Водку брать казенную, бутылки[13 - В то время водка продавалась в бутылках емкостью 0,61 литра, а не 0,5, как сейчас. Она была с красной головкой и белой – двойной очистки. Стоила, соответственно, 40 и 60 копеек за бутылку.] хватит. На остаток – хлеб и колбаса.

– Спаси тебя Бог, Федя! – воскликнул Петька, схватил рубль и вскочил с койки. – Вместе с Васькой сбегает. Подымайся, лежебока! – он толкнул товарища. – Федя угощает.

Пока они ходили, Федор принял душ и переоделся. Воротившиеся сожителю принесли «красноголовку», хлеб и круг колбасы. Закуску разложили на оберточной бумаге. Федор сходил в душевую и помыл захватанные пальцами стаканы. Неприятно, да и проститутка пила, а она, может быть, заразная. Разлили, выпили, закусили. Завязалась беседа. Сожители стали вспоминать деревню – они были родом из Подмосковья, – фабричное обучение, говорили о работе и начальстве. Федор откровенно скучал – слышал не раз. Угломонить бы болтунов, но вмешался Друг.

– Информация из первых уст – это очень важно, – сообщил Федору. – Ценный источник. Узнаешь больше, чем из газет. Их мы тоже посмотрим, но потом. А пока слушай.

Федор не знал слова «информация», но по смыслу догадался. Потому сидел и кивал. Наконец, все стали зевать и решили идти на боковую. Федор забежал в клозет, а затем сполоснул руки и рот под умывальником.

– Зубы не чистишь? – спросил Друг.

– Не приучен, – сказал Федор. – А нужно?

– Непременно, – укорил Друг. – Не то быстро потеряешь. А болят зубы так, что врагу не пожелаешь. У меня личные воспоминания почти не сохранилось, но вот

это помню. У вас бормашины примитивные, обезболивающих нет, только морфий, а его лучше в пень. Пломбировочный материал – цемент. Остается драть. Удовольствие еще то. Будем чистить – научу, как.

– Ладно, – согласился Федор.

– Знаешь, где ближайшая библиотека? – спросил Друг, когда Федор лежал под одеялом.

– Нет.

– Узнай. Только всех подряд не спрашивай – удивятся. Выходной у тебя в воскресенье?

– Да.

– Вот и навестим...

* * *

Библиотекарь изумленно смотрел на стоявшего перед ним мастерового. Одет в костюм и косоворотку, брюки заправлены в сапоги. На голове – кепка. Зайдя в помещение, посетитель ее снял и пригладил волосы ладонью. Стрижен, брит, выглядит опрятно, только что ему нужно? Это коммерческая библиотека. Сюда ходит чистая публика – преподаватели гимназий и курсов, студенты и учащиеся. Мастеровым – дорога в народную библиотеку, где бесплатно.

– Здравствуйте! – поприветствовал его посетитель, подходя к деревянному барьеру, ограждавшего служителя от публики.

– И вам не хворать, – улыбнулся библиотекарь. – Чем могу быть полезен, молодой человек?

– Нужны книги по истории России, – ответил мастеровой.

– Какие именно? – с иронией спросил библиотекарь. – Сочинения Карамзина, Ключевского, Соловьева? Или Костомарова с Иловайским?

– Всех давайте, – сказал посетитель.

– Десятки томов, – покачал головой библиотекарь. – Вы собираетесь прочесть их разом?

– Нет, конечно, – согласился посетитель. – Буду искать точку бифуркации.

– Что, простите?

– Поворотный пункт в истории.

– Их много, – улыбнулся библиотекарь. – Вот что, молодой человек. Рекомендую начать с учебника для гимназий. Как найдете интересное вам место, сообщите мне, я подберу нужного автора и том. И еще. У нас нужно платить. В народной денег не берут.

– Там выбор никакой, – ответил мастеровой. – Был уже. Сколько стоит?

– Двугривенный в читальный зал. Захотите унести книги – потребуется залог.

– Начнем с зала, – сообщил посетитель. Достал из кошелька и выложил на стойку два гривенника.

– Паспорт предъявите, – потребовал библиотекарь.

Посетитель достал из кармана книжку и положил на барьер. Библиотекарь взял журнал и записал в него имя, отчество, фамилию и адрес – завод Мальцева на Пресне. Вернул документ владельцу и отвел в читальный зал, где указал место за столом. Принес учебник. Мастерской взял его и углубился в чтение. Библиотекарь вернулся к себе. Каково же было его удивление, когда спустя час посетитель подошел к нему.

– Кажется, нашел, – сообщил задумчиво. – Что у вас есть по периоду от Смутного времени до Петра Первого?

– Много.

– Нужны книги разных историков. В том числе иностранных.

– Иностранные большей частью на языке оригинала. Не всех перевели. Есть французские, немецкие, английские.

– Давайте всех.

Подивившись, библиотекарь спорить не стал, и вскоре перед мастеровым выросла стопка книг. Обслуживая других читателей, библиотекарь время от времени заходил в зал, где бросал взгляды на необычного посетителя. Тот ЧИТАЛ – именно так, прописными буквами. Книги листал профессионально, то есть заглядывал в содержание, находил нужную главу, после чего впивался глазами в текст. Пробегал его быстро и брал следующую книгу. Причем, как заметил библиотекарь, не важно, на каком языке. Проходя мимо, он увидел, что мастеровой штудировал сочинение английского историка. Ладно бы француза или немца – эти языки библиотекарь худо-бедно знал, но англичанина? Кто их читает в России? И это мастеровой?! Или рядится под такового? Революционер, живший за границей? Но зачем тому история России? Они больше сочинения иностранных философов спрашивают – разных там Прудонов с Марксами. Не похож посетитель на ряженого. Тех выдают руки и манеры. Держатся, как господа, руки у них гладкие, с ухоженными ногтями. У этого хоть и острижены коротко, но черная каемка под ногтями имеется. Да и кожа темная от въевшегося машинного масла. Странная фигура, очень странная.

В середине дня мастеровой вышел пообедать, попросив книги со стола не убирать, потому как обязательно вернется. Что и сделал, явившись через час. Вновь читал, затем пересел к столу с подшивками газет. Просидел над ними до закрытия, встав, когда об этом напомнили.

– Нашли, что хотели? – поинтересовался библиотекарь.

– Можно сказать и так, – кивнул мастеровой. – Хотя досконально не выяснил. Любит люд ученый разводить турысы на колесах. Ладно. У вас есть книги по обработке металлов?

– Нет, – покачал головой библиотекарь. – Это в технической библиотеке. Лучшая – при Московском инженерном училище, но туда посторонних не пускают. Вам, простите, зачем?

– Так я токарь, – пожал плечами посетитель. – Хочу совершенствоваться в профессии.

– Ясно, – кивнул библиотекарь. – Если так, то рекомендую книги купить. Вы ведь будете пользоваться ими постоянно.

– Точно, – согласился посетитель.

– Позвольте поинтересоваться, – не удержался библиотекарь. – Вы, вроде, мастеровой, но читаете на иностранных языках. Это не все выпускники университетов могут.

– В приюте выучился, – ответил посетитель. – Опекала меня там инокиня Агафия. Добрая душа, Царствие ей Небесное, – он перекрестился. – Вот и обучила. Много знала, – посетитель вздохнул. – Да и склонность к языкам у меня имеется.

– Что же дальше учиться не пошли? С такими-то способностями?

– Кому нужен сирота? – вновь вздохнул мастеровой. – Кто за него станет хлопотать? Покровительница умерла, а меня отдали в фабричную школу. Так и стал мастеровым. Спасибо вам и до свидания.

Библиотекарь проводил его долгим взглядом. «Ой, не ладно с твоим происхождением, – подумал. – Просто так обучать сироту языкам не станут. Не чужим ты инокине приходился. А способность к языкам у простеца? Не смешите. А вот у Осененных это запросто. Точно чей-то бастард. Для того и книги по истории брал – искал про деяния предков. Гербовник[14 - Книга дворянских родов с их гербами.] не спросил – значит, род свой знает. Интересно, из каких будет?» Ответа на этот вопрос библиотекарь не нашел и выбросил мысль из головы. Разные люди к нему заходят.

А странный мастеровой в библиотеке более не появился...

* * *

– Для чего мы смотрели книги? – спросил Федор на обратном пути.

– Разобраться хотел, – пояснил Друг. – Этот мир похож на мой. Ну, как я это представляю – жил-то веком позже. Похож, да не тот. У нас не было Осененных, и они не играли такую роль в обществе. Князья с графьями имелись, как и прочие аристократы, но без этих ваших штук – льдом кидаться. Захотел узнать, как и почему.

– Удалось?

– Вроде. Осененные появились еще в Смутное время. Есть запись о бояриче Момчило, который бил ляхов огнем, а поплечник[15 - Поплечник – товарищ, подручный (устаревшее). Слово сохранилось в белорусском и украинском языках.] Хвост – ледовым дробом. После колдунов как бы не было, но скорей всего таились. Церковь подобное хулиганство не приветствовала. Дескать, бесовщина, козни дьявола. А вот Петр I колдунов приветил. У него было свое отношение к религии – он и колокола с церковей снимал, чтобы перелить на пушки. Так возник полк Осененных Благодатью, – Друг хмыкнул. – Мундиры Петр им даровал черно-желтые, оттого и стали звать колдунов Осами. Правильно сделал, между прочим. Если уж огнем швыряться, то во врага. При нем все по уму было, а потом пошло не так. Человек – животное ленивое, ему воевать влом. Идти в поход, терпеть стужу и лишения – на фига такое счастье? Да еще ядром по кумполу можно получить. В Петербурге на балах рассекать приятнее. Царь Ос в кулаке держал, а как умер, все и поползло. Осененные стали возводить на трон монархов. Это интереснее, да и плюшек больше. Превратились в паразитов.

– Так они все офицеры! – удивился Федор. – При армии числятся.

– Сколько ты служил?

– Три года.

– Часто видел?

– Один раз. Приезжали на учения.

– Вот тебе и ответ. Ваши Осененные в иностранных ресторанах золотом сорят. Покупают там дома, шлюх, драгоценности для них, разъезжают по курортам. Наша знать тоже так себя вела, в результате потеряла все, зачастую вместе с жизнью. Революция их смела. Как бы здесь не повторилось.

– Не похоже, – возразил Федор. – Социлисты у нас есть, только мало. Их полиция ловит – и в Сибирь. На завод к нам как-то приходил один, к забастовке призывал. А с чего нам бастовать? Платят хорошо, получку не задерживают. Штрафами не мучают, а ну выпишут – так за дело. Так что взяли социлиста и свели в участок.

– Ты участвовал?

– Без меня справились.

– Вот и не лезь!

Федор обиженно замолчал. Друг тоже притих. Показался трамвай, идущий к Пресненской заставе, Федор забрался в вагон и доехал им до нужной остановки, заплатив кондуктору пятак. Вышел и потопал к заводу.

– Не сердись, – внезапно раздалось в голове. – Я бываю резок. Характер такой.

– И у меня не сахар, – вздохнул Федор.

– Не хочу, чтобы ты лез в политику, – объяснил Друг. – Пустая трата времени. Нам с тобой много сделать предстоит. А для этого учиться и учиться.

– Ладно, – согласился Федор, – учиться буду. Мне понравилось читать на иностранных языках. Раньше ведь не знал, а тут гляжу и понимаю.

– Значит, знания передаются, – заключил Друг. – Это хорошо – будет легче. А то времени в обрез.

– Почему?

– Война будет.

– С кем?

– С Германией.

– Пусть попробует! – хмыкнул Федор. – Мы их враз!

– Шапками закидаем, – вздохнул Друг. – В моем мире тоже так считали. Мобилизовали унтеров, и – всех в строй. Было их так много, что на отделение приходилось по несколько вместо одного[16 - Факт из реальной истории.]. В первых же боях положили цвет армии, а потом выяснилось, что солдат учить некому. Унтер – он важнее офицера, без него все сыплется. Тебя сразу призовут – запас первой очереди, и убьют тут же. Нам такой хоккей не нужен. Следует уцелеть и стране пользу принести. Понял?

– Да, – сказал Федор. – Смешно было слышать, как ты библиотекарю сказал, что в приюте языкам обучили. Не было того. В приюте было голодно и холодно. За малейшую провинность секли.

Он вздохнул.

– Не тушуйся, Федя! – ободрил Друг. – Мы им всем еще покажем. А сейчас неплохо бы выпить чарочку и закусить.

Федор согласился и зашел в знакомый трактир – как раз оказался на пути. Заказал селянку на мясном бульоне и котлету с кашей. Половой принес графинчик водки и наполнил из нее стопку. Федор влил жгучую жидкость в рот, крякнул и принялся за еду. Горячая, ароматная селянка проваливалась в желудок, наполняя рот мясным, острым вкусом. Опустошив миску, Федор налил еще стопку, выпил и принялся за котлету. Держа ее за косточку, обгладывал сочное мясо. За этим занятием и застал его городской – тот самый, что приходил на завод. Зайдя в трактир, городской окинул зал взглядом и решительно направился к Федору.

– Добрый вечер! – поздоровался с ним мастеровой и отложил котлету. – Присаживайся, Семеныч! Водки выпьешь?

– А давай! – махнул рукой городской и устроился напротив.

Федор наполнил стопку из графинчика. Городовой взял ее двумя пальцами, посмотрел на свет и опрокинул в рот. Крякнув, разгладил усы.

– Закусить желаете? – спросил мастеровой. – Сейчас полового кликну.

– Сыт, – покачал головой Семенович. – Лучше скажи, где шлялся целый день? Заходил в казарму, а твои и говорят: как ушел утром, так и не появлялся.

– По Москве гулял, – пожал плечами Федор. – В цирк зашел на клоунов посмотреть. Лошадки там ученые. В трактире посидел. Что не так, Семенович?

– Пристав[17 - Полицейский пристав в царской России отвечал за порядок на вверенном ему участке.] наказал за тобой смотреть, – вздохнул городовой. – Не нравишься ты его помощнику. Говорит: дерзкий. А мне, понимаешь, делать больше нечего, как за тобой ходить. Сам-то знаю, что человек справный, ни в чем дурном не замечен, но начальству не прикажешь. Съехал бы ты, что ли?

– Эт куда? – удивился Федор.

– На другой участок. Я бы так и доложил: объект более не проживает. Пусть у других голова болит.

– Соглашайся! – раздался в голове Федора голос Друга. – Это выход. Здесь оставаться нельзя, но съезжать было бы подозрительно. Тут же сами предлагают. На заводе так и скажешь: полиция велела.

– Съеду, – сказал Федор городовому. – Сам думал взять расчет – мало платят. Добрый токарь на заводе сто рублей может получать, коли мастерством владеет.

– Вот и ладно, – обрадовался Семеныч. – Прощай, Федор! Благодарствую за угощение.

Он встал и пошел к выходу. Федор проводил его взглядом, после чего доел остывшую котлету и кашу. Расплатился и вышел из трактира.

– И куда поедет? – спросил Друга за порогом.

– В Тулу, – сообщил тот.

– Почему туда? – удивился Федор.

– Там Императорский оружейный завод, – объяснил Друг. – У меня есть, что им предложить. Мастеровых оттуда призывать не будут – в войну понадобится оружие.

– А возьмут? – засомневался Федор.

– Если правильно себя подать, – успокоил Друг. – Слушайся меня, и мы заставим этот мир вздрогнуть!

3

Паровоз, пытая дымом из трубы, подкатил к Московско-Курскому вокзалу. Встал, лязгнув сцепками. Открылись двери вагонов, и на перрон стали выходить пассажиры. Из синих и желтых[18 - Вагоны в царской России отличались по цвету. Синие – 1-й класс, желтые (светло-коричневые, золотистые) – 2-й, зеленый – 3-й.] – купцы, офицеры, чиновники и помещики. Шли дамы в шелковых платьях и шляпках. Из зеленых вагонов валил простой люд – мастера, крестьяне, женщины в платочках. На перроне стало суетно. Засновали носильщики с бляхами на груди, громко предлагая свои услуги, вопили разносчики, рекламируя немудреный товар: булки, пряники, леденцы. В толкотне и гаме никто не обратил внимания на мужчину, вышедшего из зеленого вагона. На нем был легкий бумажный[19 - Бумажной в то время называлась хлопчатая ткань.] костюм без жилетки, косоворотка и кепка. На ногах – ботинки коричневой кожи. В руках он нес такого же цвета саквояж и чемодан. Пройдя перроном, Федор, а это был он, выбрался на привокзальную площадь и подошел к извозчику, грустившему на облучке. Причина грусти читалась без труда: денежных пассажиров расхватывали конкуренты.

– Свободен, шеф? – спросил мужчина, ставя чемодан на землю. – Или ждешь кого?

Что такое «шеф», извозчик не знал, но вопрос понял. Опытным взглядом окинул вопрошавшего. Одет как мастеровой, но во все новое, саквояж и чемодан дорогие. Деньги явно есть.

– Двугривенный в любой конец, – буркнул хмуро.

– Дам три, если отвезешь к дому, где сдают квартиры, – пообещал потенциальный седок. – Только чтобы дом хороший: водопровод, электричество, ванна и теплый клозет. И неподалеку от оружейного завода. Есть такой?

– Разве что на Миллионной, – почесал в затылке извозчик. – Доходный дом советницы Хвостовой[20 - В реальности такой дом не существовал.]. Но там дорого.

– Ничего, – сказал мастеровой и забросил чемодан в коляску. Следом впрыгнул сам. – Трогай, шеф!

Дорогой они обгоняли пассажиров, решивших сэкономить на извозчике. Навьюченные сумками и узлами, они брели к городу[21 - В ту пору железнодорожный вокзал Тулы находился за чертой города.], заняв всю дорогу. Извозчику приходилось покрикивать, чтобы расступились. Наконец, дорога освободилась, и коляска въехала в город. Седок молчал, хотя было видно, что в Туле он впервые. Такие обычно пристают с вопросами. Отвечать извозчик не любил – был из неразговорчивых. Если бы он слышал диалог, который шел в голове седока, то сильно удивился бы.

– Зачем гривенник переплатил! – возмущался Федор. – Он бы и за два отвез, а то и менее. Следовало торговаться. Все так делают.

– Успокойся, Федя! – отвечал Друг. – Привыкай жить по-новому. Мы с тобой не босяки с Привоза. Уважаемые люди, и должны вести себя соответственно.

– А еще чемоданы эти, ботинки, костюм из чесучи, – продолжал ворчать Федор. – Ладно, полотняный – в нем по летнему времени не жарко. Чесуча-то зачем? Шерстяной дешевле стоит. И какой! Из бостона.

– В шерстяном запаришься, – возражал Друг. – Чесуча легкая, пропускает воздух. Ваша нынешняя мода – телу смерть. Выходной костюм обязательно с жилеткой независимо от погоды. А коли жара? Да еще белье дебильное – кальсоны и рубаха. Взмокнешь. Маек и трусов нет.

– Это что? – удивился Федор.

– Легкое белье. Сорочка без рукавов и подштанники выше колена.

– Кожа от штанин зудеть будет, – не одобрил Федор.

– Если ткань шерстяная, – возразил Друг, – ну, а ноги потные. В чесуче не запаришься.

– Дом захотел дорогой, – не отстал Федор. – На хрена нам квартира? Ночевать можно и в гостинице. У нас места нет. Неизвестно, примут ли и какое жалованье положат. Может, зря ехали.

– Предоставь это мне, – успокоил Друг. – На завод сразу не попремся. Оглядимся, знания подтянем. Для того и квартира. Ну, а деньги... Сколько из-под камня достал?

– Шесть сотенных.

– Твое жалованье за год.

– Больше ста уже потратили, – буркнул Федор.

– Ну, и хрен с ними! Не жалею. Лучше посмотри вокруг. Нравится? Нам тут жить...

Пока длилась эта перепалка, коляска миновала мост через Упу и стала подниматься по Миллионной. Возле длинного кирпичного здания извозчик остановился.

– Доходный дом Хвостовой, – объявил, указав кнутом. – С вас три гривенника.

– Свободные квартиры здесь имеются? – поинтересовался седок.

– Сами спросите, – буркнул извозчик и протянул ладонь. – Деньги!

Седок спорить не стал, отсчитал ему монетки, взял чемодан с саквояжем и прыгнул на мостовую. Извозчик проводил его взглядом.

«Ну, ну! – подумал злорадно. – Жаждались вас здесь».

– Но, пошла! – прикрикнул на кобылку, шлепнув ту вожжой. Следовало уезжать как можно поскорее. У Хвостовой седоку дадут от ворот поворот, а скандала извозчик не хотел. Он свое дело сделал. Ну, а что не предупредил, так не спрашивали.

* * *

Аглая пребывала в дурном настроении. С одной стороны, радость – наконец, освободил квартиру поручик, надоевший безобразиями. То пьянку шумную затеет, то непотребных девок приведет. А те скачут и орут, словно лошади в стойле. Жильцы жаловались и грозились полицией. Пришлось пообещать поручику сообщить о его художествах командиру полка. Офицер съехал, но не заплатил, задолжав за два месяца. Обещал вернуть, только перспективы виделись туманными. Денежки – тю-тю. Аглая этого не любила, потому и переживала.

Было время, когда такие заботы ее не волновали. В восемнадцать лет Аглаю выдали замуж за коллежского советника Хвостова. Жених был много старше, вдов, имел взрослых сыновей, зато служил по финансовому ведомству, где занимался акцизами. В Туле слыл завидной партией. А семья Аглаи была небогатой. Отец – учитель гимназии с невеликим жалованьем, двое сыновей и дочь, которая, считай, бесприданница. Кто ж такую замуж возьмет? И тут появился Хвостов. Красотой он, правда, не блистал и в принцы не годился. Не герой романа. Аглая поплакала и смирилась – лучше так, чем в девках оставаться. Скоро поняла, что горевала зря. Николай Гаврилович жену обожал. Не жалел денег на наряды и украшения. В женских собраниях Аглае отводили почетное место – госпожа коллежская советница[22 - В царской России жены чиновников и офицеров носили их ранг и пользовались соответствующими

привилегиями.]. В Москве или Петербурге таких, может, пруд пруди, а вот в Туле обыскаться. Дамы, годившиеся ей в матери, кланялись первыми. Глазками сверкали, но никуда не денешься – этикет.

Так прошло десять лет. Детей у пары не случилось, но Хвостов не переживал – у него имелись сыновья. Мачеху они не выносили, что Аглаю не тревожило – пасынки жили далеко. Один – в Вильно, а другой в Пензе. Муж дал им образование и пристроил на службу, после чего объявил:

– На мои деньги не рассчитывайте. Я начинал коллежским регистратором[23 - Коллежский регистратор – низший чин в Табели о рангах.] и всего добился сам. Вот и вы старайтесь. Что делать, знаете. Я же поживу для себя – заслужил.

Любви к мачехе у детей такое заявление не добавило. Аглае было наплевать. Муж ее любил и заботился. Приобрел доходный дом на ее имя. Так поступали многие чиновники. Купишь сам, спросят: деньги-то откуда? Жалованье хоть приличное, но на дом не хватит. Ну, а так жена приданое вложила. Не беда, что у Аглаи его не было совсем: кто об этом знает?

Дом был новым и большим. Его начал строить купец, но не завершил – разорился. Банк выставил дом на торги, тут Хвостов и подсуетился. Чтобы довести дом до ума, взял кредит – опять-таки на ее имя.

– Не волнуйся, душенька! – успокоил жену. – При моих доходах мы ссуду быстро вернем. Выплатим – и заживем припеваючи. Мне скоро пенсион выйдет, срок подходит. Держать в должности не будут – много на нее желающих. Доходы упадут, а тут дом будет кормить.

Так бы и случилось, не срази советника удар. Молодой вдове после похорон пришлось окунуться в прозу жизни. Для начала разобраться с пасынками – те претендовали на наследство. Кое-что им перепало, но по мелочи. Разевали рот на дом, но не получилось – на ее имя оформлен. Она купила, ей и принадлежит. Но зато возвращать кредит пришлось тоже ей. А там выплаты – вспомнить больно. Как вдове чиновника ей оформили пенсион, но его и близко не хватало. Банк предлагал дом купить, но Аглая отказалась. Он же заселен, жильцы деньги платят. Кто же продает дойную корову?

– Лучше постоянный доход, чем деньги сразу, – учил ее муж. – Пусть даже их много. Они все равно кончатся, а тут все при тебе.

Выплаты банку забирали доход почти целиком, но Аглая не печалилась. Рассчитается, и все будет ее. Пришлось, правда, сократить расходы. Она переехала в собственный дом, где заняла квартиру из двух комнат. Скромно, но не нужно платить. С делами справлялась без управляющего: хлопотно, но опять-таки экономия. В собраниях почти не бывала – на наряды не хватало денег. Можно и во вдовьем, но срок траура кончается. Придешь в ношеном – поползет молва: советница обнищала. Не беда: пару лет можно потерпеть. Придет час, и она вновь станет блистать в обществе. А тут этот поручик... Тридцать рублей задолжал, скотина! Половина ее пенсионера. Ей ссуду выплачивать из него?

Стук в дверь оторвал ее от терзаний.

– Войдите! – отозвалась Аглая. Это кого принесло?

Дверь отворилась, в комнату заглянул швейцар. Аглае приходилось его держать – дом-то приличный. Тоже вот расход. Пусть всего пять рублей в месяц[24 - Прислуге в царской России платили мало, но желающих было полно. Тот же швейцар чаевыми от жильцов получал в несколько раз больше. Открыть дверь ночью, поднести вещи...], но и это деньги. Аглая скривилась.

– Прощения просим, – поклонился швейцар, – там квартиру снять хотят. Мужчина, молодой.

– Кто таков? – спросила Аглая, оживившись. – Он представился?

– Говорит: мастеровой.

– Мы не сдаем квартиры рабочим! – рассердилась Аглая.

– Так и сказал, – поспешил швейцар. – Говорю: тут чистая публика обитает. Ну, а он в ответ: так и я не грязный. Да и деньги у меня есть.

– Цену называл?

– Да, госпожа советница. Ответил, что согласен. Попросил вас позвать.

Аглая задумалась. Можно, конечно, наглеца выставить, но деньги уплывут. Лето, желающих снять жилье в городе нет совсем. Состоятельные господа переселяются на дачи, чтобы жить на природе. Вывозят семейства и даже мебель. С квартир съезжают или оставляют за собой, но за сниженную плату. Чтобы не терять жильцов, приходится терпеть.

– Как он выглядит? – спросила.

– Как обычный мастеровой. Полотняный костюм и косоворотка. Но ботинки на ногах дорогие, как и чемодан с саквояжем.

– Я поговорю с ним, – сказала Аглая и встала из-за стола. Надо разобраться. В конце концов, недолго отказать.

По лестнице она спустилась на первый этаж. Швейцар топал позади. Незнакомца Аглая увидела издали. У входных дверей топтался молодой человек в светлом полотняном костюме. Рядом стояли чемодан и саквояж. Швейцар не соврал – недешевые.

– Вы хотели меня видеть? – спросила Аглая, подходя ближе.

Кандидат в жильцы повернулся к ней и улыбнулся.

– Bonjour, Madame. ?tes-vous la ma?tresse de cette merveilleuse maison?[25 - Здравствуйте, мадам. Вы хозяйка этого замечательного дома? (франц.)]

От неожиданности Аглая растерялась. Французский она знала – все-таки гимназия за плечами, но чтобы на нем говорил мастеровой?

– Уи, – выдавила, придя в себя.

– Je ne m'attendais pas ? ce que vous soyez si jeune et belle. Ce sera plus agreable de vivre ici[26 - Не ожидал, что вы так молоды и прекрасны. Тем приятнее будет жить здесь.], – продолжил мастеровой. Или не мастеровой вовсе? – Меня зовут Федором, фамилия Кошкин, – добавил по-русски. – Как обращаться к вам?

– Коллежская советница, – отчеканила Аглая.

– Хочу снять квартиру, госпожа советница.

– Готовы платить пятнадцать рублей в месяц? С наступлением холодов дополнительно еще пять за отопление.

– Почему бы нет? – пожал плечами Кошкин. – Мастеровой высшей квалификации, как я, получает, как армейский капитан. Могу себе позволить.

Аглая задумалась. С одной стороны, хорошо – нашелся жилец. С другой – он мастеровой. У нее дом для чистой публики. Инженер, купец, врач, директор гимназии... Как отнесутся к соседству?

– Не тревожьтесь, госпожа советница, – поспешил мастеровой, видно, догадавшись о ее терзаниях. – Человек я смирный, в быту скромн. Водку пьянствовать не буду, безобразия нарушать тоже, – он улыбнулся. – Если обману, прогоните – и все дела.

– Хорошо! – тряхнула головой Аглая. – Идемте, покажу квартиру.

Она сняла нужный ключ с доски над столом швейцара и пошла вперед. Кошкин, подхватив с пола вещи, двинулся следом. Квартира располагалась в дальнем конце первого этажа. Аглая отперла дверь и вошла внутрь. Там посторонилась, пропуская нового жильца. Тот прошел вперед и, поставив вещи, огляделся.

– Сорок квадратных аршин[27 - 20 квадратных метров.], – стала перечислять Аглая. – Два окна. Освещение электрическое, – она указала на свисавшую с потолка лампочку на шнуре. – Отопление паровое, зимой тепло. Кровать железная, никелированная, с панцирной сеткой[28 - В то время железная кровать считалась роскошью. Нам это удивительно, но было.]. Мягкая перина и подушки. Есть умывальник, шкаф, буфет с посудой, стол и два стула. Все необходимое для жизни.

Кошкин подошел к кровати, отогнул покрывало с одеялом и пощупал белье.

– Меняют раз в месяц, – просветила Аглая. – Хотите чаще – заплатите прачке. Она же стирает ваше белье. Горничная убирает раз в неделю. Дополнительно – за отдельную плату. Почистить и погладить вещи – тоже к ней. Понадобится послать в лавку или трактир, скажете швейцару. Он кликнет мальчика. Горничную тоже позовет.

Кошкин подошел к окну, отодвинул штору и попробовал его открыть. Получилось легко.

– Уходя, закрывайте за собой, – предупредила Аглая. – Вдруг влезет кто и обворует. Так-то место здесь спокойное, но бывает.

– Хорошо, – кивнул мастеровой. – Клозет и ванная?

– Идемте, – позвала Аглая.

Нужные места располагались неподалеку, Кошкин их внимательно исследовал. Хмыкнул, увидав вделанный в пол эмалированный чугунный унитаз со сливным бачком на высокой трубе. Чтоб пустить воду, требовалось дернуть за свисавшую на цепочке фаянсовую грушу. В ванной он открыл кран и попробовал рукой воду.

– Холодная.

– Нагревается колонкой на дровах, – Аглая указала на узкий железный ящик рядом с ванной. От него к глухой стене вела жестяная труба. – Только вот испортилась, дымит. Ну, так лето на дворе, можно потерпеть. Баня есть неподалеку.

– А если починю? – спросил мастеровой.

– А сможете? – засомневалась Аглая.

– В этом доме я смогу все, – усмехнулся Кошкин. – От водопровода и электричества до телефона. Им, кстати, пользоваться можно?

– За отдельную плату[29 - Плата за телефон коллективного пользования в то время составляла 79 рублей в год. Приличная сумма. Не удивительно желание

домовладельца компенсировать эти расходы.], – уточнила Аглая. – Захотите позвонить – оставьте гривенник швейцару. Позвонят вам – платить не нужно, но швейцару, который к аппарату позовет, следует дать на чай.

– Понял, – кивнул Кошкин. – Ну, так что с колонкой?

– Как почините – хоть каждый день мойтесь, – сказала Аглая. – Дрова в подвале. И еще. Самовар у нас не греют, но можно вскипятить чайник на спиртовой горелке – он в буфете есть. Спирт купите в аптеке.

– Договорились, – кивнул Кошкин. – Меня все устраивает.

– Тогда пожалуйста плату – за два месяца вперед.

Кошкин удивленно поднял брови, но полез в карман. Достал пухлый бумажник, извлек из него две купюры – багрово-серую и синюю[30 - 25 и 5 рублей.] и протянул ей.

– Благодарю, – Аглая взяла деньги и спрятала их в карман платья. – И еще паспорт для прописки[31 - Прописка по месту жительства в царской России была делом обязательным и соблюдалась строго. Эту практику заимствовали в СССР. Сейчас называется «регистрацией».]

Он отдал ей документ.

– Ключ от двери в замке, – сообщила Аглая. – Уходя, оставляйте швейцару. Так не потеряется, да и горничной нужен, чтоб прибратся. До свидания.

Она повернулась и пошла к себе. По пути велела швейцару позвать к ней горничную. Та не заставила себя ждать и явилась почти следом.

– Вот что, Фрося, – сообщила ей Аглая. – У нас новый жилец. В шестом номере, где ранее поручик квартировал. Пригляди за ним.

– Для чего? – удивилась горничная.

– Непонятный он какой-то. Говорит, что мастеровой, и похоже, что не врет – при заводе в Москве жил. Так в паспорте значится. Кстати, отнеси его в участок для прописки, – Аглая протянула Фросе серую книжицу. Та взяла и спрятала в карман фартука. – Но со мной мастеровой по-французски заговорил. Причем, бойко так, и произношение у него правильное – как в гимназии учился. Комплимент сделал, будто дворянин какой. Странно это. Дровяную колонку в ванной первого этажа починить взялся. Я-то разрешила, ну а вдруг сломает? Скажешь мне, как выйдет. Все, иди!

Горничная поклонилась и убежала. Аглая достала из кармана полученные от жильца купюры и внимательно рассмотрела. Печать четкая, водяные знаки наличествуют. На фальшивые не похожи. Только на душе все равно тревожно. Кто этот странный мастеровой? Ей только с полицией неприятностей не хватает. Она спрятала деньги в шкатулку и вздохнула. Но с другой стороны – прибыль, тридцать рублей ее. Не придется пенсион затрагивать, чтобы банку заплатить.

...Фрося заявила к вечеру.

– Значица, так, – начала, устроившись на предложенном хозяйкой стуле. – Паспорт я снесла, городской завтра сам отдаст.

– Этот не упустит, – усмехнулась Аглая. – Что жилец?

– Ходил к дому Ермолаева-Зверева на Киевской, – доложила горничная. – Вызнал у швейцара, где тут лавки, Клим и подсказал. Вернулся на извозчике. Чего-то накупил, мальчик свертки нес. Сам книги тащил.

– Книги? – удивилась Хвостова.

– Вот такую стопку! – показала Фрося. – Сложил все у себя, переоделся в темное и велел швейцару подать лестницу в ванную. Дескать, поручение хозяйки исполняет – колонку починить. Клим принес. Жилец на нее взобрался и кусок трубы снял – кривой такой. Он его «коленом» обозвал. Попросил у меня старую газету, завернул в нее и во двор вынес. Там вычистил из колена сажу. Нам сказал, что нельзя воду сосной и елкой греть – от них сажи много.

– А чем можно? – заинтересовалась Аглая.

– Осина и ольха, – сообщила Фрося. – Дуб годится. Так сказал. Говорит: они сажи не дают, более того – ее сжигают. В подвале перебрал дрова – подходящие отложил. Спросил меня, сколько нужно для колонки, я сказала. Он отнес их в ванну, где сложил в колонку и пристроил трубу обратно. Подпалил дрова – и колонка загудела. Никакого дыма!

– Починил, значит, – обрадовалась Аглая.

– Точно так, – подтвердила Фрося. – Он велел Климу унести лестницу, ну, а мне прибраться – сажи там насыпалось. Я сделала и ушла. Спустя время решила поглядеть – как с водой? Захожу, а он в ванне плещется, дверь за собой не запер. Увидал меня и заулыбался. «Хорошо, что ты зашла, красавишна, – говорит. – Мне бы спинку потереть». И мочалку тянет.

– Охальник! – покачала головой Аглая.

– Да еще какой! – подтвердила Фрося. – Я ему в ответ: «Не жена я вам, чтобы спины натирать, а порядочная девушка!»

– Ну, а он?

– Засмеялся. «Ладно, – говорит. – Загляни ко мне через часок. Работа для тебя будет».

– Ну, а ты?

– Конечно, заглянула – от работы я не бегаяю. Мне копейка не помешает. Захожу, а он чай пьет. Дорогой такой – из жестяной банки. На тарелке кусок пирога лежит. Сам в халате со шнурами – не дешевом. Рублев десять стоит, поди. Увидал меня, заулыбался и на койку кажет: «Вон работа для тебя, красавишна, – шить умеешь?» Я, впрямь, обиделась: чтобы я да не умела? Но смолчала. Подхожу к койке, а на ней белье мужское, новое совсем. «Что сделать?» – спрашиваю. Он в ответ: «Из рубах выпори рукава, проймы подруби. У подштанников отрежь штанины, чтобы мне до середины бедра. Края тоже подруби». «Это ж панталоны дамские получатся, – говорю. – Кто ж такое носит?» Он как засмеется! «Уморила! – говорит. – Ну, какое дамское? Там ширинка спереди! Кружева с воланчиками где? Это чтоб не жарко было». Я плечами пожала и взяла: хозяин – барин. «А еще в шкафу костюм новый и сорочка

белая, – говорит. – Их погладь». Заглянула в шкаф – висят. Аккуратно так, на тремпелях. Носовые платки сложены, рядом чистые носки. У поручика-то все валялось – грязное и чистое вперемешку. Я все забрала и ушла. Быстро сделала – там работы ничего. Принесла обратно, он осмотрел и похвалил. Полтину дал, – похвасталась горничная. – Не жадный.

Она достала из кармана фартука монету и продемонстрировала ее хозяйке.

– Что еще заметила? – спросила Аглая.

– Ну... – Фрося захихикала. – Когда в ванне он сидел... У него спина и грудь волосатые. Чисто обезьян!

– Нашла, на что смотреть! – сморщилась Аглая.

– Я же не подглядывала, – оправдалась Фрося. – Что ж он дверь не запирает? Люди говорят, – сказала, снизив голос, – что такие волосатые дюже страстные в постели. Женок любят так, что те кричат от удовольствия.

– Тьфу, бесстыжая! – плюнула Хвостова. – Прочь поди!

Горничная встала и ушла. По спине было видно, что она смеется. «Вот же дура! – подумала Аглая. – Страсть ей подавай! А сама читает по слогам». Злость, однако, улетучилась. Аглая разделась, прочитала вечернее правило и легла в постель. Час не поздний, но вставать ей рано. Это прежде она спала до полудня. Сейчас на ней дом с прислугой, и за всем нужен глаз да глаз. Быть хозяйкой хлопотно.

Сон, что пришел к ней, оказался непотребным. Перед Аглаей предстал Кошкин – обнаженный, если не считать дамских панталон до колен. Грудь жильца густо покрывал курчавый волос.

– Touchez, Madame, – сказал он ей, указав на свою грудь. – Je vous assure que c'est tr?s agreable. Vous ne le regretterez pas[32 - Потрогайте, мадам. Уверяю вас, это очень приятно. Вы не пожалеете (франц.)].

– Как вы смее! – возмутилась Аглая. – Я коллежская советница!

– Ce n'est pas un obstacle ? l'amour[33 - Это не препятствие для любви. Сейчас я покажу вам кое-что (франц.)], – подмигнул он ей. – Je vais vous montrer quelque chose.

Он наклонился и стал стаскивать с себя панталоны.

– Прекратите! – крикнула Аглая. – Я в полицию пожалуюсь!

– Ну и дура! – нагрубил он и растворился в воздухе.

Аглая пробудилась и некоторое время лежала, ощущая, как бьется в груди сердце. Приснится же такое! А все Фрося с ее бесстыжими разговорами. Выгнать ее, что ли? Подумав, Аглая решила, что не стоит. Горничная у нее старательная, жильцы довольны. А что речи бесстыжие ведет, так что взять с глупой девки? В рабочей слободе росла. Аглая смежила веки. Таясь даже от себя, она хотела досмотреть сон. Чтобы грубиян все же показал, что у него в панталонах...

* * *

– Хорошо как! – сказал Федор, накрываясь одеялом. – Ванная, перина, комната на одного. Никогда в такой роскоши не жил.

– Ну, а ты зудел, – хмыкнул друг. – То ли еще будет!

– Ты зачем по-французски говорил? – спросил Федор. – У хозяйки аж глаза на лоб полезли.

– Удивить хотел. Не сдала б она квартиру мастеровому. Ну, а так... Раз французский знает – человек культурный.

– Денег взяла с нас вперед...

– Но зато квартира наша. Или недоволен?

– Что ты! – завертел головой Федор. – Еще бы Фросю под бочок, так и вовсе сказка.

– Придержи коней! – взволновался Друг. – Фрося замуж хочет, аж пищит – то по ней видно. Не успеешь пернуть, как захомутают.

– Ну, и что? – возразил Федор. – Девка работающая и красивая. Сиськи видел? Во! Задница какая!

– Тоже мне ценитель красоты! – хмыкнул Друг. – Сиськи, задница... Не затем мы сюда ехали. Этих сисек по России – горы. Если чешется в штанах, то найди вдову. Вот хозяйку, например.

– Что ты! – изумился Федор. – Я ей не ровня. Она ж дворянка!

– Ну, и что? Хрен ровни не ищет. Повидал я этих фиф – к нам на сервис приезжали. Тачка – миллионы стоит, брюликов на ней – центнер. А сама стреляет глазками в парней. Они ж замуж по расчету выходили. Мужья много старше или все в делах. На жену или времени нет, или хрен вялый. Ну, а той хочется. Была у нас комната с диваном, вот туда их и водили. Драли только так. Слесаря-то молодые, члены словно кость. Ну, и дамочки довольны – сервис на высоте! У себя в кругу особо не вильнешь – мигом муж узнает. Здесь же причина уважительная – авто забарахлило.

Друг захохотал.

– Ты их... тоже? – спросил Федор.

– Нет. К тому времени немолод был и терпеть их не могу, кошек драных.

– Что такое сервис?

– Мастерская по ремонту автомобилей. У нас женщины их водят – машины-то другие. Две педальки, коробка-автомат, руль можно пальчиками крутить – такой легкий.

– Ты в машинах понимаешь?

– Не совсем. Я там в мастерской работал. Подточить, подшлифовать, иногда деталь сделать. Попадались пепелацы, к которым запчасти не найти или ждать долго. Вот и точил. По образованию я военный инженер. Отслужил срок, на пенсию вышел молодым. Довелось повоевать, ранен был. Это засчитали. Посидел чуток на пенсии – скучно. Руки у меня были. Я в военное училище со срочной поступал, до нее работал на заводе. Попросился в сервис – взяли, ну, а там пошло. Постепенно на оружие перешел.

– Это как?

– Охотой увлекался. Ну, а ружья там – полуфабрикат. Крепкая основа, но подгонка никакая. Я свой карабин до ума довел, показал друзьям. Попросили сделать им. Мне не жалко. Так пошла молва, понесли другие. Этим уж за деньги. Клиентов набежало много. Из сервиса ушел, стал работать на себя. Все легально: мастерская, разрешения, полиция проверяла постоянно. Ну, так я не нарушал. Прежде чем в работу взять, документы спрашивал. Данные записывал. Никакого левака – репутацию берег. Что мне только не несли! Ружья, пистолеты, револьверы... Были и с кремневыми замками, эти восстанавливал. Есть там любители старины, огнестрел коллекционируют. Не беда, что состояние не боевое, но замок чтоб исправный был. Показать гостям, курком щелкнуть. Платили хорошо. Экспертом стал, даже за границу ездил.

– Языки для этого учил?

– У меня к ним способность. Где бы ни жил – перенимал. В Кишиневе на молдавском говорил, в Ташкенте – на узбекском. Английский и немецкий знал со школы, французский выучил на пенсии. Чем больше языков знаешь, тем легче новый изучать. Звали в переводчики, но не захотел. Руками работать интереснее.

– А в каких ты был чинах?

– Не помню, – вздохнул Друг. – Вроде, в небольших – капитан или майор.

– Ого!

– Это здесь «ого». Подпоручик – уже величина: дворянин, ваше благородие. У нас их за людей не считали. Бегают какой-то лейтенантик – ну, так их море.

– А зачем книги по металлам покупал? Ты же инженер?

– Зато ты – нет. Просто так передать знания не могу – только при совместном изучении. Это первая причина. Есть вторая. Станки, материалы, технологии – все другое. Там я точно знал, для чего какую сталь взять, обработать чем, закалить и отпустить. Здесь же нуб полный.

– Это кто?

– Новичок, ничего не знающий.

– Не скажи! – возразил Федор. – Колонку мигом починил.

– Ну, так что там сложного? Коль дымит – проблема с дымоходом. А она откуда? Если прежде не было, значит, сажа. Вычистить – и все дела.

– Про дрова знаешь...

– Дача у меня с печкой была, много лет ее топил. Раз почистив дымоход, плюнул на такое счастье. Люди подсказали: не топи елкой и сосной, чередуй с ольхой или осиной. Десять лет затем не чистил – не было нужды.

– Как ты много знаешь! – пригорюнился Федор. – Не чета мне.

– Ну, так жизнь прожил. Слышал поговорку: «Если бы молодость знала, если бы старость могла»? Есть возможность ее изменить. Слушайся меня, и мы прорвемся. D'accord?[34 - Согласен? (франц.)]

– Уи, – ответил Федор и уснул.

Утро началось с неожиданного визита. Федор встал, умылся, попил чаю с булками, почистил зубы и сел за книги. И тут в дверь постучали.

– Войдите! – сказал Федор, удивившись.

Дверь распахнулась, и в комнату шагнул полицейский. Был он росл, широкоплеч и носил пышные усы.

– Доброго здоровьичка! – сказал гость, подходя к столу. – Городовой среднего оклада[35 - Городовой среднего оклада – полицейский в унтер-офицерском чине.] Коновалов. Прибыл познакомиться с новым обитателем моего участка. Вы позволите? – он указал на стул.

– Присаживайтесь, – кивнул Федор. – Как вас звать, господин городовой?

– Никанор Кузьмич.

– А меня Федор Иванович.

– Это нам известно, – городовой достал из кармана и положил на стол паспорт Кошкина. – Решил отнести, заодно и познакомиться. Положено, знаете ли, проживающих на участке знать. Служба такая.

– Понимаю, – вновь кивнул Федор.

Полицейский как-то укоризненно глянул на него – будто ждал чего другого.

– Для какой цели прибыли в Тулу? – спросил, переходя на официальный тон.

– Поступить на оружейный завод.

– В качестве кого?

– Токарь я.

– Мастеровые в таких домах не живут, – покачал головой Коновалов. – И как только госпожа Хвостова вам квартиру сдала?

– Вам известно, Никанор Кузьмич, сколько получает токарь высшей квалификации?

– Ну... – задумался полицейский. – На моем участке мастеровых не проживает, точно не скажу. Рублев пятьдесят, наверное.

– А сто двадцать не хотите[36 - Высококвалифицированный рабочий-станочник получал в то время 75-120 рублей. Для сравнения: армейский капитан – 105. Правда, офицеру полагались еще деньги на найм жилья – от 5 до 25 рублей, в зависимости от города.]?

– Да не может быть! – изумился Коновалов. – Это ж больше, чем у околоточного надзирателя.

– Может, Никанор Кузьмич, – хмыкнул Федор. – А теперь вопрос. Почему я с таким жалованьем не могу жить в доме госпожи советницы?

– Жалованья у вас пока нет, – поднял палец кверху Коновалов.

– Будет, – заверил Федор.

Полицейский не нашелся, что сказать, и скользнул взглядом по столу. Зацепился им за стопку книг.

– Что читаете?

– Можете взглянуть.

Полицейский подтащил стопку к себе и стал брать книги одну за другой.

– «Обработка металлов резанием», – забормотал, читая названия. – «Стали и их свойства», «Станки и инструменты для обработки металла» ... Для чего вам это, господин Кошкин? Если вы и так добрый мастеровой?

– Чтобы получать сто двадцать рублей. Вот приду я на завод, где меня не знают. Непременно захотят испытать. Спросит меня мастер: «Какую инструментальную сталь[37 - Твердосплавных пластин для токарных резцов в то время не существовало. Применяли инструментальные стали.] нужно взять для резца по стали? А для чугуна? Какие обороты шпинделя нужно установить для этих материалов?» Не отвечу – скажут, что хреновый из меня токарь. Только и могу, что болты точить за тридцать рублей в месяц.

– Мудрено, – вздохнул полицейский. – Мне такого не запомнить. Из Москвы зачем уехали? Там заводов больше.

– Как и мастеровых. Все заводы обошел – денежные места заняты. Добрые люди возьми и подскажи: «Поезжай в Тулу. Там, на оружейном, знающих мастеровых ценят».

– Это так, – согласился Коновалов. – Мы хоть не столица, но к людям с пониманием. Но порядок у нас свой. Вот, к примеру, заглянул к вам городской. Паспорт сам принес, уважение оказал. Полагается отблагодарить.

– Сколько? – спросил Федор, догадавшись.

– За такое – рублик.

Федор встал, прошел к шкафу, достал из кармана пиджака портмоне и извлек из него светло-коричневую банкноту. Подойдя к столу, протянул ее городскому.

– Благодарствую, – сказал тот, пряча рубль в карман. – Если вдруг что по моей части, обращайтесь без стеснения. – И еще. По великим праздникам прихожу поздравлять жильцов. Тут уж меньше трешницы нельзя, потому как обида.

– А какие праздники у вас великие? – уточнил Федор.

– Как у всех, – пожал плечами полицейский. – Рождество, Пасха, Троица, Рождество Пресвятой Богородицы. Троица, кстати, скоро.

– Заходите, Никанор Кузьмич, – сказал Федор. – Не обижу.

- Доброго вам места, господин Кошкин! – кивнул полицейский и вышел.
- Вот же мент! – прозвучал в голове Федора голос Друга. – Даже здесь крышуют.
- А у вас не было? – спросил Федор, догадавшись о смысле непонятных слов.
- Если бы! – вздохнул Друг. – Только брали больше. Ладно, Федя, за учебу!

* * *

У заводоуправления стояли люди. Подойдя ближе, Черемисин окинул их наметанным взглядом. Поношенные пиджаки, а то и вовсе косоворотки, мятые штаны, заправленные в порыжевшие сапоги. Некоторые даже в опорках. Понятно.

- Работу ищите? – спросил, подойдя ближе.
- Да, – загомонили в толпе. – Возьмите, господин хороший! Явите милость.

Черемисин сморщился.

- Чернорабочие не нужны, – объявил громко. – Поденщики – тоже. Мастеровых недавно в отпуска отправили. Берем умеющих работать на нескольких станках. Таковые имеются?

Ответом стало молчание.

- Расходитесь! – махнул рукой Черемисин. – Не толпитесь у конторы.
- Завтра приходить? – спросил кто-то.
- Завтра будет то же. Расходитесь.

Толпа недовольно заворчала и стала расползаться. Скоро пространство перед конторой опустело. Остался лишь один. Черемисин присмотрелся. Молодой

мужчина, невысокий, коренастый. Одет в коричневый костюм из чесучи и такую же жилетку. Ее пересекала серебряная цепочка часов. Белая сорочка с отложным воротником, галстук-регат[38 - Регат – галстук с постоянным узлом. Застегивался позади шеи на пуговку.]. На голове – летняя фуражка с мягким околышем, на ногах – ботинки. Странная фигура. Чей-то служащий? Не похож. Приказчик? Вряд ли. Мастерской? Они так не одеваются. Вместо жилеток носят широкие пояса, ботинкам предпочитают сапоги.

– Вы ко мне? – спросил Черемисин.

– Насчет места, – уточнил незнакомец. – Я мастерской-многостаночник. Мастер на все руки.

– Следуй за мной! – бросил Черемисин и пошел к конторе.

В кабинете он предложил мастерскому сесть, сам устроился напротив за столом.

– Как зовут?

– Кошкин, Федор.

– Ко мне обращаться: господин инспектор. Специальность?

– Токарь, фрезеровщик, шлифовщик и так далее. Работаю на любых станках. Слесарное дело знаю. На все руки мастер, как изволили сказать.

Черемисин глянул на гостя с подозрением. Ишь, как пыжится! Явно врет – слишком молодой для таких заявлений.

– Где работал раньше?

– На заводе Мальцева в Москве.

– Почему взял расчет?

– Скучно стало. Одно и то же каждый день. Я разнообразие люблю.

– Почему к нам? Мастерские много где нужны.

– Нравится оружие. На военной службе при оружейной мастерской работал. Много чинил: ружья, пулеметы, револьверы. Хорошо знаю их устройство. Господа офицеры приносили пистолеты и охотничье оружие. Что угодно в порядок приведу, – улыбнулся мастерской.

«Неужели? – подумал Черемисин. – Рогов давно просит найти ему оружейника. Только где же взять? На дороге не валяются. Хорошего токаря сыскать – проблема[39 - В начале 20 века промышленность России развивалась быстрыми темпами, квалифицированных рабочих остро не хватало. Профессиональное обучение как система отсутствовало. Учили обычно при заводах.], а тут сразу всё. Да и молод больно. Что ж, проверим». Он достал из ящика стола небольшой металлический цилиндр.

– Что это за деталь? – он протянул его Кошкину. – От чего?

Тот встал, подошел ближе и взял цилиндр. Рассмотрев, повертел в пальцах и положил на столешницу.

– Болт Гринера, запирает стволы охотничьего ружья. Сделан небрежно. Присутствует конусность, где-то в пару соток. Вот тут, – он указал на косо срезанный край цилиндра.

– Чем это грозит?

– Может в отверстие не зайти.

– Погодите!

Черемисин встал, подошел к шкафу и достал из него часть разобранного ружья – приклад с замком. Вернувшись к столу, взял болт и попытался вставить его в отверстие сбоку. Не получилось – болт вошел только на две трети.

– Подлецы косорукие! – выругался Черемисин.

– Это не беда, господин инспектор, – отозвался Кошкин. – Поправить – плевое дело. Отверстие чутка развернуть или болт подшлифовать.

– Паспорт есть? – спросил Черемисин, кладя ружье на стол.

Кошкин протянул ему серую книжицу. Инспектор быстро пролистал ее, остановившись на записи о прописке. Мастерской поселился в доме Хвостовой. Ничего себе! Там и Черемисину дорого. Он вернул паспорт и достал из ящика блокнот.

– Выпишу тебе записку, – сказал, опустившись на стул. – В инструментальной мастерской отдашь штабс-капитану Рогову. Он решит, годишься ли. Если нет, приходи обратно – место подберем.

– А насчет жалованья?

– Тоже у него, – сморщился инспектор. Ишь, ушлый! Ничего не сделал, а про жалованье спрашивает.

Черемисин не хотел признаться, что неприязнь его продиктована завистью. Кошкин жил в доме, о котором инспектор много слышал. Паровое отопление, теплый клозет, ванна с горячей водой. Самому бы перебраться, только денег жалко. Когда у тебя на руках семья... Эх!

...Инструментальную мастерскую Федор отыскал скоро. Войдя внутрь, встал, разглядывая длинное, просторное помещение. Возле стен станки – разные. Токарные, шарошечные[40 - Шарошечными называли в то время фрезерные станки.], долбежные, сверлильные. В отдалении – верстаки с тисками. За ними трудились рабочие: точили, строгали, сверлили. Шоркали напильниками. На вошедшего в мастерскую посетителя не обратили внимания. Заняты люди.

В центре мастерской стояли трое мужчин. Двое в мундирах: один высокий и стройный, второй низенький и пузатый. Третий явно мастерской – по одежде видно. Немолодой – из-под кепки выбивается седина. Он держал что-то в руках, остальные рассматривали и, похоже, спорили. Федор подошел ближе.

– Не годится сталь, – говорил мастерской. – Резцы ломаются один за другим.

– Может, руки кривые? – хмыкнул высокий офицер.

– Зря вы так, Михаил Игнатьевич! – покачал головой низенький. – Матвеев у меня лучший токарь. Если что говорит, так и есть. Нужно идти к начальнику производства – пусть меняют сталь для заготовок. Иначе сорвем выполнение заказа.

– Не быстрое дело, Николай Егорович, – возразил высокий. – Мы его в любом случае сорвем. Интенданты на дыбы встанут. Пока будем ругаться – время уйдет. Да и нас по головке не погладят. Дескать, просмотрели.

– А другой выход есть? – буркнул низенький.

Все трое замолчали. Федор воспользовался паузой и кашлянул, привлекая к себя внимание.

– Извините, ваши благородия, кто из вас будет Рогов?

Все трое недовольно посмотрели на него.

– Я буду, – сказал высокий. – Вам чего?

– Инспектор просил передать, – Федор протянул ему записку.

Рогов взял и быстро пробежал ее глазами.

– Черемисин пишет, что нашел нам квалифицированного оружейника, – сообщил остальным. – Это правда? – посмотрел на Федора.

– Так точно, ваше благородие! – доложил Кошкин.

– Может, он что подскажет, – хмыкнул низенький. – Дай ему, Матвеев.

Мастеровой протянул Федору короткую заготовку и резец. Кошкин взял их, рассмотрел, затем поднес заготовку к глазу и глянул в отверстие, направив его в сторону окна.

– Револьверный ствол? – уточнил. – Для нагана? Нарезы не выходят?

– Да, – подтвердил мастеровой.

– Сталь заготовки вязкая, – заключил Федор. – Зуб резца застревает и ломается. Не получится.

– Без тебя бы не разобрались, – буркнул мастеровой.

– Тут дорн нужен, – как ни в чем не бывало, продолжил Федор. – С ним получится.

– Что такое «дорн»? – удивился Рогов.

– Прошивка, протяжка, пуансон, – пояснил Кошкин. – Раз сталь вязкая, применять без зубьев. Нарезы дорн выдавит. Там глубина меньше сотой дюйма.

– Пятнадцать сотых миллиметра[41 - В ту пору в российской промышленности использовались две системы мер одновременно – метрическая и в дюймах. Измерительные инструменты выпускались с двойной шкалой.], – уточнил Рогов. – А где взять этот ваш... дорн?

– Сделать, – пожал плечами Федор.

– Сможешь?

– Да.

– Что нужно?

– Прутки оружейной стали, резцы, фрезы, измерительный инструмент. И еще рабочая одежда. Не в костюме же работать, – улыбнулся Федор.

– Ермолай Устинович! – подозвал Рогов немолодого мужчину в рабочем халате. – Вот тут мастеровой... Как зовут?

– Кошкин, Федор.

– Кошкин будет делать дорн. Обеспечь необходимым. Он скажет...

Спустя пять минут Федор работал за токарным станком. Привычно крутил маховички, наблюдая, как резец снимает с прутка стружку. Рогов с Ермолаем Устиновичем наблюдали за ним, отойдя в сторону. Другой офицер с Матвеевым ушли. Вот Федор остановил станок, достал заготовку из патрона и замерил штангенциркулем. Удовлетворенно кивнул и перешел к шарошечному станку.

– Что скажешь, Устинович? – спросил Рогов мастера.

– На токарном станке работать умеет, – ответил тот. – Размер на глаз ловит. Деталь замерил не в патроне, а когда достал. Не знаю, что с этим дорном выйдет, но мастерской толковый. Нужно брать.

– Поглядим, – буркнул Рогов.

Федор завершил работу на шарошечном станке и подошел к ним.

– Нужно закалить, – сказал, протягивая дорн. – Только так, чтоб не повело. Припуск я оставил, но коли много...

– Сделаем! – сказал мастер и, забрав дорн, ушел.

В его отсутствие Рогов расспросил Федора, устроив небольшой экзамен. Мастерской отвечал уверенно, и штабс-капитан решил, что мастер не ошибся. Выйдет что у них с дорном или нет, но в мастерскую Кошкина взять стоит. Вернулся Ермолаевич, неся в руках еще теплый дорн. Федор обтер его ветошью, закрепил в патроне токарного станка и, попросив правочный брусок, довел до нужного размера.

– Готово! – сказал, протянув дорн Рогову.

– Идем! – сказал тот, забирая инструмент.

Они втроем перешли в другой цех, где нашли Матвеева. Не успели подойти, как рядом появился низенький офицер.

– Ну-ка, ну-ка, – сказал, забирая дорн у Рогова. – Быстро сделали, – заметил, разглядывая инструмент. – Думаете, поможет?

– Испытайте, ваше благородие! – предложил Федор.

– Давай, Матвеев! – приказал офицер.

Токарь взял у него дорн, закрепил его в суппорте, затем – заготовку в патроне. Подскочивший Федор взял масленку и обильно полил из нее инструмент.

– Обязательно нужно, – объяснил. – Всякий раз.

Матвеев подвел инструмент к заготовке. Тонкий конец дорна скользнул в канал ствола, и мастеровой включил подачу. Легкий скрип – и дорн прошел отверстие. Матвеев отключил шпиндель и достал заготовку вместе с дорном. Вытащил инструмент и обтер ствол ветошью. Глянул внутрь, повернув в сторону окна. Проверил отверстие калибром.

– Тютелька в тютельку, – обронил удивленно.

– Дай! – попросил низенький офицер.

Разглядев ствол, протянул его Рогову. Следом посмотрел Ермолаевич и лишь потом – Федор.

– Идеально, – заключил низенький. – Канал просто блесит. Сделай еще десять стволов, – велел Матвееву. – Или пока не сломается.

Мастеровой приступил к работе. Офицер достал из кармана часы и следил за ним, время от времени бросая взгляд на циферблат. Наконец, Матвеев завершил работу.

– Как с размерами у последнего? – спросил низенький.

– Как и с первым, – ответил мастеровой.

– Продолжай! – велел офицер и посмотрел на Рогова. – Поздравляю, Михаил Игнатьевич! Решили проблему. Да еще как! Три минуты на ствол – это в десять раз скорее прежнего. Берете этого молодца? – он указал на Федора.

– Да, – кивнул штабс-капитан.

– Хорошо. Мне потребуется сотня дорнов. Далее поглядим.

По возвращении в мастерскую Рогов завел Федора в кабинет.

– Приходи завтра в семь утра, – объявил, предложив сесть. – Будешь делать дорны. Инспектору я скажу, что беру. Выпишет пропуск. Жалованье – девяносто рублей.

– Не пойдет, ваше благородие! – покачал головой Федор. – Маловато будет.

– Сколько хочешь? – удивился Рогов.

– Сто двадцать.

– Ничего себе! – возмутился штабс-капитан. – У нас столько мастера получают, так они сколько на заводе проработали! Ты же молодой.

– Но проблему с нарезками решил я, – возразил Федор. – Иль не так? Не договоримся – уеду в Сестрорецк. Там добрые оружейники нужны.

– Без ножа режешь, Кошкин! – вздохнул Рогов. – Не в моей воле столько дать. Лишь начальник завода может. Ну, а он откажет – наперед знаю.

– А давайте так, ваше благородие, – предложил Федор. – Соглашаюсь на девяносто. Только вы спустя пару месяцев похлопочете, чтоб добавили. Ежели докажу полезность, разумеется.

– Моего слова достаточно? – сощурился штабс-капитан.

– Вы же офицер, – кивнул Федор. – А они слово держат.

– Хитрован! – погрозил ему пальцем Рогов. – Ладно, по рукам. Жду тебя завтра...

– Ты чего спорил? – спросил Федор Друга, когда они вышли за проходную – Девяносто – это очень хорошо. Я рассчитывал на семьдесят.

– Да с моей квалификацией и сто двадцать мало, – буркнул Друг. – Я поболее этих инженеров знаю. Простейшую проблему не могли решить, о протяжках не слыхали. Ладно, поглядим. Разберемся с дорнами, конструированием займемся. Для начала – револьверов.

– Почему их?

– У нас наган на вооружении полвека стоял, три войны[42 - Первая мировая, Гражданская и Великая Отечественная.] прошел. С ним вохра[43 - Вохра – жаргонное название военизированной охраны. И, таки да, автор лично видел наганы у ее бойцов в 80-е.] и в восьмидесятые ходила. Хотя револьвер – так себе. Да, надежный, легкий, и в руке удобно лежит. Зато спуск тугой, а перезарядить – горе и беда. Плохо в России с короткостволом. Школы нет, если что и сделают, то без слез не взглянешь. Пулеметы с автоматами лучшие в мире, а вот с пистолетами проблема. За границей они сейчас в тренде. Но возьмем тот же люгер, браунинг или кольт. Нет у них преимуществ перед револьверами. Магазин – семь-восемь патронов, у нагана – семь. Но зато он постоянно готов к бою – не нужно загонять патрон в ствол. Не забудешь снять с предохранителя, потому что его нет. Если вдруг осечка, нажимаешь на спуск повторно – и готово. В пистолете нужно выбросить бракованный патрон...

Слыша это, Федор улыбался. К ворчанию Друга он привык. Ну, так что взять со старика? Зато помощь от него – ого-го-го какая! Федор и мечтать не мог, что не пройдет и месяца, как заживет барином. Отдельная квартира с прислугой, отменное жалованье... Повезло, что тогда у реки догадался надеть на палец перстень.

– Спасибо, Друг! – сказал мысленно. – Рад, что ты у меня есть.

– Да всегда пожалуйста! – откликнулось в голове. – В трактир зайдем? Есть хочется.

– Непременно, – пообещал Федор. – Можно и чарочку пропустить. Как-никак место получили.

– Да какое это место! – хмыкнул Друг. – А насчет чарочки согласен. Можно даже две. А вот более – ни-ни. Завтра рано вставать.

– D'accord (согласен)! – кивнул Федор.

* * *

– Здравствуйте, ваше сиятельство!

Юсупов кивнул и оценивающе посмотрел на гостя. Среднего роста, крепкого сложения, на вид лет тридцати с хвостиком. Лицо обычное, невыразительное – на такого глянешь и забудешь. Небольшой, тонкий шрам на щеке – явно от клинка. Пуля оставляет более страшные следы. Одет скромно, но со вкусом – костюм-тройка, белая сорочка со стоячим воротником, которую почти полностью прикрывает широкий галстук. На ногах черные ботинки, но не лаковые, а обычные, хотя начищены до блеска. Поперек жилета – цепочка часов. На вид – почетный гражданин[44 - Почетные граждане – сословие в Российской империи, представлявшее собой прослойку между дворянами и низшими классами. Формировалась по-разному, но дети личных дворян получали его автоматически вкуче с рядом льгот – например, могли поступать на военную и гражданскую службу наравне с потомственными дворянами.] среднего достатка, коих в Москве тысячи.

– Проходите, – сказал князь, указав на кресло.

Гость не заставил себя упрашивать и присел.

– Мне рекомендовали вас как специалиста в деликатных делах, – начал князь. – Лучшего из лучших. Это так?

– Да, – не стал скромничать гость.

– Понимаете, зачем вас пригласили?

– Полагаю, что в связи с постигшим вас горем.

Князь кивнул – ответ ему понравился. Гость не стал расшаркиваться в фальшивых соболезнованиях. Значит, человек дела.

– Правильно полагаете. Результаты расследования вам известны?

– Точно так, ваше сиятельство, – подтвердил гость.

– Полиция пришла к выводу, что мой сын и юный Горчаков убили друг друга взаимно. Только я этому не верю! – князь в сердцах хватил кулаком по столу. – Кинетиком Горчаков был весьма слабым – это раз. Невозможно бросить камень с Ледяным копьем в груди – это два. Феликса убил кто-то другой. Убедить в том государя мне не удалось. Сын признан виновным в нападении, мне предстоит выплатить виру Горчакову[45 - Вира здесь – плата родственникам убитого. Применялась в средневековой Руси в виде наказания, сохранилась в альтернативном мире. Существует и поныне в ряде стран – например, арабских.]. Черт бы с ней, но я потерял наследника. Единственного и любимого сына...

Князь смолк, и на некоторое время в кабинете установилась тишина.

– У меня нет возможности действовать официально, – наконец продолжил Юсупов. – Потому пригласил вас. Я хочу, чтобы убийцу моего сына нашли. Возьметесь?

– Да, – ответил гость.

– Справитесь?

– Вам не зря меня рекомендовали.

– Что вам нужно?

– Время и деньги.

– Во времени не ограничиваю – пусть даже год. Главное – найдите! Ежемесячно присылайте мне отчет о проделанной работе. Деньги – вот! – князь достал из ящика стола пачку купюр и бросил перед собой. – Здесь пять тысяч рублей. Это на расходы и аванс. Справитесь с заданием – получите столько же.

Гость встал, подошел к столу, взял пачку и сунул ее в карман.

– Что делать, когда найду виновного? – спросил.

– Не вздумайте убить! – нахмурился князь. – Вернее, попытаться. С Осененным вы не справитесь.

– Это мог быть простец, – сказал гость.

– Простецу невозможно убить Осененного, – покачал головой Юсупов.

– Если тот ожидает нападения, – возразил гость. – Но удар могли нанести внезапно.

– Вы неплохо разбираетесь в наших делах, – удивился князь.

– Вы не первый Осененный из моих заказчиков, – сказал гость.

– Может быть, и простец, – согласился князь. – Хотя в это я не верю. Тот забрал бы деньги – их же много было. Но пропал лишь перстень Горчакова.

– Так его нашли! – удивился гость. – Я читал в газетах.

– Чепуха! – покачал головой Юсупов. – Это не Ловец душ. Горчаков его признал – ну, так хотел досадить мне. И корыстный интерес имелся. У него большая семья, но род небогатый. За полученную виру он устроит будущее детей. Перстень мне показывали – на нем нет следов духа. Я умею это чувствовать. Феликс тоже умел, потому и хотел купить. Зачем простецу Ловец душ?

– Я могу спросить? – поинтересовался гость.

– Говорите! – разрешил князь.

– Для чего Феликс хотел купить перстень? Просто для коллекции?

– Это долгий разговор, господин...

– Хоффман, – подсказал гость.

– Вы присядьте, – предложил князь.

Гость вернулся к креслу.

– Это старая легенда, – начал Юсупов. – И она гласит, что к нам периодически залетают неприкаянные души из других миров. Как и почему это происходит, неизвестно – на все воля Творца, но еще в древних летописях есть тому свидетельства. Упоминаются люди, которым удалось эти души приручить и уговорить жить вместе. А теперь представьте, господин Хоффман, что внутри вас два сознания – ваше собственное и еще одно. Вы спите, а оно бодрствует, вы заняты, а оно бдит. Никакой враг не сможет подкрасться незаметно. Это лишь одно из преимуществ. Летописцы пишут, что подселенные души часто наделяли хозяев не известными никому знаниями, что позволяло тем делать великие открытия, повергать соперников или другим путем добиваться могущества. Есть исследования, которые утверждают, что некоторые из великих людей стали таковыми вследствие подселения.

– Не читал, – покрутил головой Хоффман.

– Вы и не могли, – хмыкнул Юсупов. – Этих книг не продают, нет их и в библиотеках. Доступны только Осененным, да и то не всем. Я решил вам рассказать, потому что это может привести на след убийцы. Если кто-то, где-то неожиданно станет выделяться среди прочих – повод присмотреться.

– Как происходит подселение души? – спросил Хоффман.

– Пишут, что она сама выбирает хозяина. Или признает, или нет. Горчакова не признала. Вот подлец! – выругался князь. – Он ведь мог разрешить Феликсу надеть перстень. Не признала бы душа сына – так и спора не случилось бы. А

коли выбрала бы – заплатили. Я скупиться бы не стал. Только что теперь...

Князь угрюмо замолчал.

– Я могу спросить? – нарушил тишину Хоффман.

– Да, – кивнул Юсупов.

– Душа могла выбрать простеца?

– Не исключено, – сказал князь, подумав. – Все-таки стоите на своем?

– Отработаю и эту версию, – пояснил Хоффман. – Раз она возможна. Вот представьте ситуацию: в глухой пресненский переулок сворачивает автомобиль. Из него выходят молодые Осененные, затевают спор. Свидетелем сцены становится простец...

– Как он оказался там? Да еще в такое время? – покачал головой Юсупов.

– Например, искал, чего украсть, – не смутился Хоффман. – Там же склад Перфильева. Увидав автомобиль, вор затаился в темноте. Ну, а далее... После смерти Горчакова мог решиться на убийство. Все же деньги... Сделал черное дело, подобрал перстень и надел его на палец. Вполне естественное желание. Душа его возьми и признай. Научила, как действовать далее – например, не брать денег, чтобы избежать наказания. Она ведь в этом заинтересована?

– Да, – согласился князь. – Со смертью хозяина умирает и душа. Вы умеете думать, господин Хоффман.

– Для того меня и зовут, – ответил гость. – А теперь хочу спросить. Если убийца – Осененный, я сообщаю вам о нем. Что делать с простецом?

– Доставьте его мне! – князь сжал кулак. – Заплачу вдвое. Справитесь?

– Не извольте сомневаться, – заверил Хоффман.

– С чего начнете?

– С отчетов полицейских.

– Они же не нашли убийцу!

– Потому что не умеют делать выводы. Старательные – это да, но не слишком умные. Потому и служат за смешное жалованье. Могут говорить с убийцей и не понять, что это тот, кого ищут. Я же, прочитав отчеты, замечу такового.

– Вам позволят их прочесть?

– Разумеется, – губы гостя тронула улыбка. – Я же говорил, что жалованье у полицейских смешное.

– Действуйте, господин Хоффман! – сказал князь. – Жду от вас вестей.

5

С дорнами Федор разобрался быстро, для чего привлек к делу других мастеровых – с позволения Рогова, конечно. Самому точить инструменты постоянно было скучно – «влом», как сказал Друг. Да и Рогов захотел, чтобы мастеровые знали, как изготовить дорн. Федор объяснил рабочим, что это такое, заточил нужные резцы, и дело пошло. Свою сотню инструментов низенький офицер – его фамилия была Куликов – получил скоро. А затем попросил Федора посмотреть свежим взглядом на производственный процесс в цехе – с разрешения Рогова, естественно. Федор посмотрел. После чего долго слушал ругань Друга.

– Это ж мрак! – возмущался подселенец. – Фасонные детали до ума доводят напильниками. Сплошной ручной труд! Удивительно еще, что наганы стреляют.

– Мы можем им помочь? – спросил Федор.

– Займемся, – буркнул Друг.

И они занялись. Для начала внедрили обработку заготовок фасонных деталей по копиру. Пришлось усовершенствовать фрезерный (пардон, шарошечный) станок. Труда это не составило: Федор, он же Друг, набросал на бумаге чертеж приспособления, его быстро изготовили в мастерской. Испытали, получили результат, сделали еще десяток. Выработка резко возросла – более того, теперь к станкам можно было ставить низкоквалифицированных рабочих. Разобравшись с этим, Федор изменил (Друг сказал «модернизировал») финишную обработку. Шлифовальная шкурка здесь имелась, но ее почему-то не догадались использовать для доводки деталей. Федор сделал шлифовальные круги. Сразу не пошло, пришлось показать, а потом стоять за спиной рабочих. Со временем получилось, напильники сложили в ящики. Усовершенствовали и другие процессы. Выпуск револьверов вырос почти вдвое. Более того, сократился брак, а качество оружия улучшилось. Это отметили испытатели и военная приемка.

Куликов улыбался, как кот, нашедший забытую на столе колбасу. К Федору он обращался по имени-отчеству, не гнушался пожать руку. Наладились отношения с Роговым. Тот был поостроже, но Федора хвалил. Ну, так было за что. Руководство завода оценило работу мастерской и поощрило начальника. Перепало и мастеровым по составленному Роговым списку. Премию получил и Куликов, что имело неожиданные для Федора последствия. Но об этом позже.

Поначалу в мастерской на Федора смотрели косо. Появился, понимаешь ли, пришлый и пытается стариков учить. А они ему в отцы годятся. С этим Федор разобрался легко. В первое же воскресенье пригласил мастеровых в трактир. Стол накрыл богатый – с выпивкой и закуской. Обратившись к приглашенным, заявил, что безмерно рад работать с такими мастерами. Что давно мечтал попасть на оружейный завод, потому что здесь есть, у кого поучиться. Речь ему составил Друг. Мастеровые выслушали благожелательно, выпили, сытно поели и пришли к выводу, что Федор хоть и молодой, но к старшим уважительный – угостил на славу. Не стесняется спросить совета, а, получив его, благодарит. Знает много, но не заносится. Свой человек, рабочий. Двое мастеровых, выпив, сообщили Федору, что имеют на выданье дочерей. Девки добрые, работающие. Они будут рады видеть его в гостях. Федор поблагодарил и пообещал подумать.

Припахала его и хозяйка. Неосторожно сказанные слова, что в доме он сможет починить все, она не забыла. Для начала попросила разобраться с подтекающими кранами. Друг сказал, что ему это интересно, Федор купил в

лавке инструмент и занялся. Справился быстро. Следом попросили менять электрические лампочки. Оказалось, этим занимается монтер, которого нужно звать и, естественно, платить. Друг очень удивился, но, поразмыслив, заявил:

– И у нас такое было. Вырастили поколение ЕГЭ. У меня в школе труд преподавали, каждый парень мог держать в руках молоток. А уж лампочку сменить... Нынешние, если что не так, лезут в интернет. Ролик «Как вскипятить воду» набирает миллионы просмотров. Дебилы... Здесь хоть понятно: электричество для них, как для папуасов телевизор.

Федор ничего не понял, но лампочки менял. Нравилось. Обретя Друга, мастеровой ощутил тягу к знаниям. Освещение в доме было смешанным. Под потолками висели лампочки, дававшие тусклый, желтый свет. «Ватт 40–60», – оценил Друг. На столах стояли лампы керосиновые. Светили хорошо, но коптили и воняли. Жильцы, впрочем, не жаловались – привыкли. Некоторые использовали свечи. Все это Федор разглядел, приходя в квартиры. Замена лампочек проходила так. Швейцар нес лестницу-стремянку, Федор следом – лампочку, выданную хозяйкой. При этом та вздыхала: лампочки стоили дорого – потому как импортные, а служили недолго. В России лампочек не производили. В квартире швейцар ставил лестницу, Федор забирался наверх, где и производил процесс. Если жильцы были дома, они приходили смотреть. Наблюдали, широко открыв глаза. Друг при этом смеялся.

– Что тут хитрого? – веселился. – Обычный винтовой цоколь: одну выкрутил, другую завернул. Проще некуда.

Закрутив лампочку, Федор протирает колбу чистой тряпицей. «Так прослужит дольше», – говорил Друг. Пару раз ему пытались дать на чай. Федор отказывался и просил отблагодарить швейцара: он ведь лестницу тащил. Раз следить за заменой явилось целое семейство: чиновник в вицмундире, его дородная супруга и две дочки – пухленькие и смешливые. По завершении работы чиновник дал гривенник швейцару, другой протянул монтеру.

– Извините, ваше благородие, – отказался Федор. – Но я это делаю не за деньги.

– А чего ради? – удивился глава семейства.

– Хозяйке помогаю. Она женщина вдовая, одинокая, как откажешь? Да и жалование у меня приличное.

– И какое же? – поинтересовался чиновник.

– Как у армейского капитана.

– Слышала, дорогая? – обратился чиновник к жене. – Вот за кого дочек нужно выдавать! А то ищем...

Супруга в ответ фыркнула, чиновник захохотал, дочери посмотрели на Федора с интересом.

С отладкой производства Федор провозился до конца лета. Завершив, вздохнул с облегчением – надоело. Пора конструированием заняться. Он как раз набрасывал на листке эскиз, когда прибежал посыльный и передал приказ зайти к Рогову. Федор отложил рисунок и отправился. В кабинете, помимо начальника мастерской, оказался и Куликов. Во взглядах офицеров, устремленных на него, Федор разглядел какое-то странное веселье.

– Садись, Федор Иванович! – предложил Куликов. – Разговор есть.

Кошкин подчинился.

– Для начала добрая весть, – начал Рогов. – Начальник завода утвердил тебе жалование. Сто двадцать рублей.

– Благодарю, ваше благородие! – сказал Федор.

– Это не все, – подхватил Куликов. – Подписан приказ о награде отличившимся. Тебе – триста рублей.

Федор не успел ответить, как офицер продолжил:

– Нам с Михаилом по тысяче, а еще представление на досрочное производство в чин. Всем этим мы обязаны тебе. Прими искреннюю благодарность. Приглашаем отметить награду в воскресенье, в ресторане.

– А так можно? – спросил Федор.

– Почему нет? – удивился Куликов.

– Вы дворяне, я мастеровой.

– Что я говорил? – повернулся Куликов к Рогову. – Скромен, как истинный талант. Можно, Федор. А насчет дворянства... Я сын мастерового. Окончил реальное училище, поступил в Михайловское артиллерийское, где познакомился с Мишей. Он тоже не потомственный дворянин, из офицерских детей[46 - В царской России существовал такой класс, как «офицерские дети». Из-за невысокого чина родителей права на дворянский титул они не имели, но пользовались определенными льготами – например, при приеме в вузы. Из офицерских детей был, к примеру, Деникин.]. Вместе получили назначение на Тульский завод.

– Так вы друзья? – догадался Федор.

– С училища, – подтвердил Куликов. – Но на людях не показываем, потому как субординация. Что скажешь?

– Соглашайся! – посоветовал Друг. – В ближний круг зовут. Это дорогого стоит.

– Непременно приду, ваше благородие! – сказал Кошкин.

– Вот славно, – заключил Куликов. – Мы будем с женами, так что можешь взять невесту. Есть такая?

– Не завел еще, – развел руками Федор.

– Если будешь так работать, скоро заведешь, – улыбнулся Куликов. – Маменьки прохода не дадут. Нас вот с Мишей быстро охмурили.

– Коля! – насупился Рогов.

– Шутка, Миша! – поспешил Куликов. – Не подумай, Федор: жены у нас замечательные. Жаждают познакомиться: мы им уши прожужжали про тебя.

– Болтун! – хмыкнул Рогов, впрочем, незлобиво.

В назначенный час принаряженный Федор топтался у ресторана. Чувствовал себя не в своей тарелке. Шею давил накрахмаленный воротничок сорочки, потела голова под котелком, купленным для такого случая. Офицеров с женами все не было. «Передумали, что ли? – тосковал Федор. – Что же делать? Уйти? Вдруг явятся, а меня нет?» Наконец, к ресторану подкатила коляска. Опущенный верх позволял разглядеть в ней Рогова с Куликовым, а еще двух дам. Коляска остановилась, офицеры спрыгнули на тротуар и помогли выйти женам.

– Вот и наш герой, – улыбнулся Федору Куликов. – Добрый вечер. Извини, что опоздали. Пока собрались... Женишься – узнаешь, как бывает.

– Николя! – укорила офицера низенькая, пухленькая дама.

– Молчу, молчу, дорогая! – улыбнулся Куликов. – Алевтина Григорьевна, Полина Александровна, позвольте вам представить Федора Ивановича Кошкина. Золотые руки, светлая голова, гордость Тульского оружейного завода.

Федор снял с головы котелок и поклонился.

– Здравствуйте, ваши благородия.

– Обращайтесь к нам по именам и отчествам, – предложила Полина Александровна – та самая пухленькая дама, удивительно походившая на мужа. Жена Рогова, высокая и худощавая, сморщилась, но кивнула.

– С этой будут проблемы, – оценил Друг.

– Дамы, прошу! – Куликов указал на ресторан. – Нас стерлядка заждалась. И молодая телятина.

Он плотоядно пошевелил усами. Швейцар открыл им дверь, и компания вошла в ресторан. Там офицеры и Федор сдали головные уборы гардеробщику, дамы остались в шляпках. Подскочивший официант отвел их к столику. Тот располагался у сцены, где бренчал на пианино молодой человек с длинными волосами и во фраке. Стол укрывала белая, накрахмаленная скатерть. Поверх

стояли фужеры и лежали серебряные приборы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Для сведения: подоходный налог в описываемое время не платили – его еще не ввели.

2

В то время слово «сожитель» означало: живущий с кем-то в одной комнате, квартире, доме.

3

«Желтый билет» – удостоверение личности, выдававшееся проститутке взамен паспорта в Царской России.

4

Двугривенный – 20 копеек.

5

Ломовые извозчики возили грузы. Прочие – пассажиров.

6

Речь о сотой доли дюйма, то есть 0,25 мм. Хотя для высококлассного специалиста поймать на глаз разницу и в сотую долю миллиметра не представляет труда. Автор видел это сам.

7

Семишник – старое название монеты достоинством 2 копейки.

8

Именно так было в реальной истории в царской России. Сокращению венерических заболеваний это не способствовало.

9

ЧПУ – числовое программное управление.

10

В то время в Москве было несколько полицмейстеров, подчинявшихся градоначальнику.

11

На деле – губернский секретарь.

12

В царскую полицию на службу брали мужчин ростом не менее двух аршин и шести вершков – около 170 сантиметров по-нашему. Рост Федора приблизительно 167 см.

13

В то время водка продавалась в бутылках емкостью 0,61 литра, а не 0,5, как сейчас. Она была с красной головкой и белой – двойной очистки. Стоила, соответственно, 40 и 60 копеек за бутылку.

14

Книга дворянских родов с их гербами.

15

Поплечник – товарищ, подручный (устаревшее). Слово сохранилось в белорусском и украинском языках.

16

Факт из реальной истории.

17

Полицейский пристав в царской России отвечал за порядок на вверенном ему участке.

18

Вагоны в царской России отличались по цвету. Синие – 1-й класс, желтые (светло-коричневые, золотистые) – 2-й, зеленый – 3-й.

19

Бумажной в то время называлась хлопчатая ткань.

20

В реальности такой дом не существовал.

21

В ту пору железнодорожный вокзал Тулы находился за чертой города.

22

В царской России жены чиновников и офицеров носили их ранг и пользовались соответствующими привилегиями.

23

Коллежский регистратор – низший чин в Табели о рангах.

24

Прислуге в царской России платили мало, но желающих было полно. Тот же швейцар чаевыми от жильцов получал в несколько раз больше. Открыть дверь ночью, поднести вещи...

25

Здравствуйте, мадам. Вы хозяйка этого замечательного дома? (франц.)

26

Не ожидал, что вы так молоды и прекрасны. Тем приятнее будет жить здесь.

27

20 квадратных метров.

28

В то время железная кровать считалась роскошью. Нам это удивительно, но было.

29

Плата за телефон коллективного пользования в то время составляла 79 рублей в год. Приличная сумма. Не удивительно желание домовладельца компенсировать эти расходы.

30

25 и 5 рублей.

31

Прописка по месту жительства в царской России была делом обязательным и соблюдалась строго. Эту практику заимствовали в СССР. Сейчас называется «регистрацией».

32

Потрогайте, мадам. Уверяю вас, это очень приятно. Вы не пожалеете (франц.)

33

Это не препятствие для любви. Сейчас я покажу вам кое-что (франц.)

34

Согласен? (франц.)

35

Городовой среднего оклада – полицейский в унтер-офицерском чине.

36

Высококвалифицированный рабочий-станочник получал в то время 75-120 рублей. Для сравнения: армейский капитан – 105. Правда, офицеру полагались еще деньги на найм жилья – от 5 до 25 рублей, в зависимости от города.

37

Твердосплавных пластин для токарных резцов в то время не существовало. Применяли инструментальные стали.

38

Регат – галстук с постоянным узлом. Застегивался позади шеи на пуговку.

39

В начале 20 века промышленность России развивалась быстрыми темпами, квалифицированных рабочих остро не хватало. Профессиональное обучение как система отсутствовало. Учили обычно при заводах.

40

Шарошечными называли в то время фрезерные станки.

41

В ту пору в российской промышленности использовались две системы мер одновременно – метрическая и в дюймах. Измерительные инструменты выпускались с двойной шкалой.

42

Первая мировая, Гражданская и Великая Отечественная.

43

Вохра – жаргонное название военизированной охраны. И, таки да, автор лично видел наганы у ее бойцов в 80-е.

44

Почетные граждане – сословие в Российской империи, представлявшее собой прослойку между дворянами и низшими классами. Формировалась по-разному, но дети личных дворян получали его автоматически вкуче с рядом льгот – например, могли поступать на военную и гражданскую службу наравне с потомственными дворянами.

45

Вира здесь – плата родственникам убитого. Применялась в средневековой Руси в виде наказания, сохранилась в альтернативном мире. Существует и поныне в ряде стран – например, арабских.

46

В царской России существовал такой класс, как «офицерские дети». Из-за невысокого чина родителей права на дворянский титул они не имели, но пользовались определенными льготами – например, при приеме в вузы. Из офицерских детей был, к примеру, Деникин.

Купить: https://tellnovel.com/drozdov_anatoliy/masterovoy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)